

*Ольга
Алейникова*

Лилии для Эйвери

Ольга Алейникова
Лилии для Эйвери

«Издательские решения»

Алейникова О.

Лилии для Эйвери / О. Алейникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935847-9

Лилиан — нежеланный и нелюбимый ребёнок своей матери. Пытаясь оставить в прошлом мучительные события детства, девушка больше не доверяет людям. Она дарит свою любовь и заботу только цветам, пока вся её жизнь не переворачивается с ног на голову. Теперь Лилиан точно знает: у неё есть шестилетняя сестра, но ей нельзя оставаться с жестокой матерью, неспособной на любовь, и приёмным отцом, чья привязанность к девочке кажется подозрительной. Но что это на самом деле: спасение ребёнка или приговор?

ISBN 978-5-44-935847-9

© Алейникова О.
© Издательские решения

Содержание

ЛИЛИАН	6
ЛИЛИАН	8
ЭТАН	11
ЛИЛИАН	16
ЭТАН	21
ЛИЛИАН	26
ЭТАН	30
ЛИЛИАН	34
ЭТАН	38
ЛИЛИАН	42
ЭТАН	45
ЛИЛИАН	48
ЭТАН	52
ЛИЛИАН	57
ЭТАН	62
ЛИЛИАН	66
ЭТАН	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лилии для Эйвери

Ольга Алейникова

*Моей любимой маме,
благодаря которой я знаю,
какой должна быть настоящая мать.*

© Ольга Алейникова, 2018

ISBN 978-5-4493-5847-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИЛИАН

Июнь, 2018 год

В зале суда душно. Пахнет потом и дорогим одеколоном. Начало лета выдалось жарким и засушливым, потому жители города просто сходят с ума.

Судья Хатчинсон то и дело вытирает платком пот со лба и время от времени постукивает пальцами по столу. Кажется, что он хочет поскорее закончить это дело, но оно только начинается.

Генри Хатчинсон занимает свой пост уже более пятнадцати лет, но ещё не стар и достаточно хорошо выглядит. Несколько лет назад он потерял жену, но перенёс это настолько стойко, что люди стали болтать разное. Будто Генри никогда и не любил жену, или же, что он только и ждал её смерти. Кто-то даже предполагал, что он сам её убил, хотя она и умерла от рака.

В небольших городах с численностью населения меньше трёхсот тысяч человек чего только не говорят друг о друге. Вопрос в том, верите ли вы во все сплетни или предпочитаете воспринимать только проверенные факты.

– Мерритт против Хант, – оглашает секретарь, судья утвердительно кивает.

– Мисс Мерритт, Вы хотите отсудить у мистера Ханта право быть опекуном ребёнка? – спрашивает судья.

– Всё так, Ваша честь, – вступает в разговор Дэвинсон. Он встаёт, произнося эти слова, и я чувствую, будто остаюсь с неприкрытым тылом. Пустое кресло рядом со мной заставляет меня нервничать ещё больше.

Если говорить честно, то сначала кандидатура Эллиота Дэвинсона на роль моего адвоката мне не нравилась. Он был довольно молод, а я хотела самого опытного адвоката, который только был во всём Линкольне. Проблема состояла лишь в том, что я не могла позволить себе такого защитника по вполне тривиальным причинам. Мне это было не по карману.

Однако сейчас, несмотря на свой возраст, Дэвинсон внушает мне уверенность и спокойствие. Может, всё дело в том, что мне просто хочется верить в лучшее.

– Объясните мне, мистер Дэвинсон, почему Ваша клиентка хочет отобрать ребёнка у отца? – спокойно спрашивает судья. Я не слышу в его голосе ни заинтересованности, ни раздражения. Вообще ничего. Должно быть, когда столько лет работаешь судьёй, чувства перестают захлёстывать.

– Дело в том, Ваша честь, – поясняет Дэвинсон, – что мистер Хант не является биологическим отцом девочки. А моя клиентка – ближайший родственник ребёнка. Её старшая сестра.

– Разве мистер Хант не удочерил девочку? – спрашивает судья.

– Удочерил, Ваша честь, – отвечает Дэвинсон.

– Девочка носит его фамилию?

– Да, Ваша честь, – всё так же спокойно отвечает Эллиот. И я завидую его спокойствию.

– Девочка живёт с ним в одном доме? Он обеспечивает ей надлежащий уход? – вновь спрашивает судья Хатчинсон, а я пытаюсь унять дрожь в руках.

Я знала, что услышу все эти вопросы, знала, что придётся доказывать свою правоту очень долго и это будет не так уж и легко. Но сейчас я всё равно не могу думать о хорошем. Надеюсь только на Дэвинсона. Больше мне надеяться не на кого.

– Девочка и правда проживает в доме мистера Ханта, однако можно поспорить насчёт обеспечения надлежащего ухода. Мистер Хант проживает один, много времени проводит на работе, девочка предоставлена сама себе. В лучшем случае, мистер Хант оставляет её у соседки или же сестры.

– Что скажете, мистер Куинн? – судья обращается к адвокату Этана Ханта.

– Ваша честь, – Куинн встаёт и наигранно улыбается Дэвинсону, – мы вынуждены признать, что мистер Дэвинсон не совсем объективен. Мы можем предоставить свидетелей и все необходимые факты, которые подтвердят, что мистер Хант прекрасно справляется с ролью отца. Однако мы поддержали иск мисс Мерритт против миссис Хант о лишении материнских прав и выступили соистцами.

– Мисс Мерритт, – обращается ко мне судья, – вы решили засудить каждого, кто имеет хоть какое-то отношение к Вашей сестре?

– Ваша честь, – начинает Дэвинсон, но судья его останавливает.

– Мне всё понятно, мистер Дэвинсон. Я уже ознакомился с некоторыми документами, дело обещает быть интересным. Назначим слушанье на десятое июля. Также я назначаю опекуна-представителя для ребёнка. Стороны, вам хватит времени подготовиться?

Адвокаты соглашаются.

– Лилиан, – окликает меня Этан Хант, когда я выхожу из зала суда.

– Что тебе нужно, Этан? – спрашиваю я, стараюсь не волноваться, хотя это плохо у меня выходит. Моё сердце бешено колотится ещё с самого начала заседания.

– Послушай, – говорит мужчина спокойно, – всё ещё можно отменить.

– Отменить? – удивляюсь я. – Ты согласен добровольно отдать мне Эйвери?

– Нет, но давай поговорим.

Я смотрю на Этана и пытаюсь понять, что чувствую. Этот высокий, темноволосый мужчина мог бы сводить с ума миллионы женщин и пользоваться этим, но он предпочёл посвятить свою жизнь преподаванию математики и воспитанию чужого ребёнка.

Следует быть благодарной Ханту за то, что моя сестра не осталась на улице или, что хуже, со своей матерью, но это не значит, что я оставлю Эйвери ему. Она – моя сестра, и никто не посмеет забрать её у меня.

– Это бессмысленно, – только и отвечаю я.

– Ты готова наплевать на всё, что было? – вижу, как мужчина начинает нервничать.

– Ничего не было, Этан, – говорю я уверенно, и стараюсь убедить себя, что так и есть на самом деле. – Ты отдашь мне сестру, и на этом всё закончится.

– Хочешь войны? – спрашивает меня мужчина, а я лишь усмехаюсь.

– А ты разве не понял? Война началась уже давно.

Разворачиваюсь и уверенным шагом иду к выходу. Этан не бежит за мной следом, и я этому рада. Нам больше не о чем разговаривать. Никто не хочет уступать, а это значит, что ближайший месяц будет слишком напряжённым.

Я прихожу домой и пытаюсь забыть всё, кроме лица и голоса своей сестры, чтобы знать, ради чего полностью меняю свою жизнь.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

Моё первое воспоминание о маме отличается от тех моментов, которые обычно помнят дети о своих родителях. Никаких свечей на большом торте, первого снега или захватывающей сказки на ночь. Ничего из того, что бы я хотела сохранить в своём сердце навечно.

Итак, моё первое воспоминание таково: мне четыре года, и мама пытается утопить меня в ванне. Порой я просыпаюсь ночью от того, что чувствую вкус пены для купания у себя во рту и не могу восстановить дыхание. Я задыхаюсь от боли и страха так же, как задыхалась от воды двадцать лет назад. Это преследует меня всю жизнь, хотя в моей судьбе бывали моменты и пострашнее. Должно быть, первое предательство помнишь особенно остро.

На работе я допиваю вторую чашку кофе и пытаюсь не заснуть. Жаркий аромат кофе перебивает запах цветов, и я могу лишь наслаждаться этим.

Говорят, что имя предопределяет судьбу человека, и я, как яркий противник всех примет и предрассудков, должна стараться опровергнуть и это заявление, но, на редкость, я с ним согласна.

Моя приёмная мама Джулианна всегда говорила, что я с точностью до мелочей оправдываю своё имя. Она называла меня белой лилией, светлой и нежной, словно цветок. Я с упоением слушала её сказки о горных цветах и наслаждалась тем, как она расчёсывала мои светлые волосы. Самые тёплые воспоминания за мои двадцать четыре года. Мы не выбираем, что сохранить в своих мыслях, но мы можем доставать из памяти одни и те же приятные моменты раз за разом, и они никогда не смогут надоест. Обещаю.

– Вы ещё работаете? – слышу я за своей спиной и оборачиваюсь. Передо мной стоит молодой человек, он явно спешит, потому я сразу же бросаюсь ему помочь. Люблю быть полезной в таких ситуациях.

– Конечно, – отвечаю я и отставляю чашку с недопитым кофе. – Вы хотите букет? Посмотрите на эти готовые композиции. Ромашки и васильки. Нежно и необычно.

– Я уже знаю, что мне нужно, – отвечает парень вежливо. – Пионы, семь штук.

Я могу лишь согласиться и выполнять заказ. Когда я прикасаюсь к стебелькам цветов, то будто заряжаюсь их энергией, будто окунаюсь с головой в мир волшебных запахов и нежных цветов.

– Ну что, родные, – говорю я букету из ромашек и васильков, когда парень уходит, – сегодня вам не повезло. Но завтра вас обязательно купят.

Я верю, что, если бы цветы умели разговаривать, они бы могли многое нам рассказать. О бескрайних лугах, на которых они растут, о самом голубом небе и вечно жарком солнце, о каплях дождя и радуге, о призрачных потоках ветра, которые колышут стебельки и разносят аромат на десятки миль.

Хоть цветы и не говорят привычным нам способом, у них тоже есть свой язык. Нужно лишь уметь его понимать. У них есть всё для того, чтобы люди смогли увидеть очевидное, но, к сожалению, мы все порой слепы.

Мы привыкли верить словам или, что ещё хуже, собственным надеждам, но никак не реальности. Люди так часто изначально демонстрируют нам своё лицо, но мы, по собственной наивности или глупости, не замечаем этого. Мы живём в придуманной реальности, и в ней, к сожалению, слишком много места для разбитых сердец.

Последний раз я видела свою родную мать, когда мне было девять лет. Тогда всё казалось совсем другим. Я вырывалась из рук социальных работников, плакала, кричала и просила вернуть меня к маме. В тот момент я почему-то не помнила о том, что на самом деле моя мать

меня ненавидит и желает смерти. Я хотела только одного – не лишаться единственного родного мне человека, неважно, насколько плохой матерью она была.

И только спустя десяток разговоров с детским психологом я смогла признаться себе, что всегда мечтала вырваться из того ада, в котором жила все девять лет.

Что делала моя мать, когда меня забирали из её дома навсегда? Она стояла на крыльце и курила. В её глазах я не видела слёз или сожаления. Она чуть заметно усмехалась и была абсолютно спокойна.

Я не должна осуждать её. Мать родила меня в семнадцать лет и не была готова к этому. Похоже, я всегда мешала ей. Значит ли это, что я должна её оправдывать? Тоже нет.

Всю жизнь я предпочитаю не думать о ней и не вспоминать то, что пережила в её доме, но порой воспоминания накатывают сами, не спрашивая моего дозволения.

Я закрываю магазин на замок и прячу ключи в сумку. На улице давно ночь. Мороз больно щиплет мои щёки, но мне жарко. Кто-то может сказать, что я слишком мнительная, но я всегда уделяла много внимания своей интуиции.

Когда я прихожу домой, первым делом проверяю автоответчик. Уже несколько дней я жду звонка от Джейсона, но, видимо, мой брат настолько занят, что не может найти пяти минут для разговора со мной. Я не должна его винить. За те годы, что мы росли вместе, он не единожды выслушивал и пропускал через сердце мою боль. Когда-нибудь это должно ему надоесть.

Помню, мне было шестнадцать, и я прогуляла уже пятый урок английского. Я пошла к брату домой, отперла дверь запасным ключом и, обложившись чипсами и мороженым из холодильника, смотрела фильмы на корейском, хоть ничего и не понимала. Мне нравилось создавать собственные истории, это рождало мнимую уверенность, будто я могу управлять судьбами.

Джейсон пришёл домой раньше обычного, к тому же, не один. Увидев меня, он остановился посреди комнаты и выпустил руку пришедшей с ним девушки. У неё были длинные волосы цвета шоколада, и я успела даже позавидовать. Тогда мои волосы едва отросли по плечи.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – признался брат, я лишь пожала плечами.

– Могу уйти, если мешаю, – ответила я, кивнув в сторону девушки.

Брат на пару секунд замешкался, но потом слабо улыбнулся и поджал губы.

– Хлоя, – обратился он к своей спутнице, – может, созвонимся позже?

Она согласилась, но в её глазах я увидела обиду и ревность. Ту самую ревность, которая не проходила никогда на протяжении всех четырёх лет, что они с братом встречались. Джейсон всегда любил Хлою, но также он неизменно, раз за разом, бросал всё на свете, даже её, ради меня.

На автоответчике оказывается одно сообщение, и я всей душой верю, что оно от Джейсона. Я раздеваюсь и нажимаю кнопку, чтобы прослушать, но то, что меня там ждёт, повергает меня в шок.

– Лилиан, здравствуй, – слышу я такой чужой, но всё же такой знакомый надменный голос. – Это мама, помнишь меня? Шерил. Я на пару дней приехала в Линкольн. Встретимся? Перезвони мне.

Я совру, если скажу, что никогда не представляла нашу с ней встречу, что не ждала этого звонка. Совру, если скажу, что никогда не желала посмотреть в глаза женщине, которая была моей родной матерью.

Но сейчас этот звонок обескураживает меня. Я сажусь прямо на пол и чувствую, как начинает болеть голова. Пытаюсь найти в себе силы стереть это сообщение с автоответчика и никогда не вспоминать о нём, но дело в том, что за всю мою жизнь у меня накопилось мно-

жество вопросов, ответы на которые знает лишь моя мать Шерил. И если я не узнаю всё сейчас, не узнаю этого никогда.

Заставляю себя встать с пола и пойти на кухню. Достаяю из холодильника бутылку вина, но так её и не открываю. Всё будто потеряло смысл или, наоборот, обрело его. Я понимаю, что схожу с ума.

Когда мне было шесть лет, я любила воображать себя принцессой, заточённой в башне, охраняемой злым драконом. Я строила замки из подушек и мечтала спрятаться навсегда, чтобы никто никогда не нашёл меня.

В тот день к маме пришёл её друг. Она часто водила домой мужчин, и я уже сбилась со счёта, сколько их было всего. Они с мамой были в гостиной, играла музыка и слышался мамин смех. Я стащила из комода шёлковое постельное бельё и обмоталась в простыню, представляя, что на мне самое красивое платье, какое только может быть у принцессы.

– Мама, – крикнула я тогда, спускаясь в гостиную. – Смотри, какое у меня платье.

Мама, до этого обнимающаяся со своим новым парнем, метнула на меня гневный взгляд. Этого было достаточно, чтобы я поняла, что нужно уходить, иначе мне не поздоровится. На самом деле, мой скорый уход никак мне не помог.

Мать разбудила меня поздно ночью. От неё пахло чужими духами и алкоголем.

– Разве я не говорила, чтобы ты не путалась у меня под ногами? Разве я не предупреждала тебя? – спросила она у меня, а я не могла понять, в чём настолько провинилась.

Мне было шесть, и только за то, что я спустилась вниз во время её встречи с мужчиной, мать прижгла мне руку раскалённым утюгом. Шрам на ладони остался со мной навсегда, как и та боль, что распиливала моё детское сердце на части.

Я долго смотрю на свою руку, потираю шрам и думаю. Я мечтаю прожить совсем другую жизнь. Жизнь без потерь, страданий и мук выбора – продолжать отрицать существование родной матери или, наконец-то, принять её.

Я беру в руки трубку и дрожащими пальцами набираю номер.

– Шерил, – произношу я, – ты хотела встречи?

Когда мы договариваемся о времени и месте, я спешу бросить трубку, и ещё долго думаю о том, что так и не смогла назвать её мамой.

ЭТАН

Январь, 2018 год

Около трёх часов ночи я просыпаюсь от громкого детского крика. Быстро встаю с кровати и бегу в детскую. Моё сердце бешено колотится. Такие крики повторялись почти каждую ночь, и в какой-то степени я привык к ним, но всё равно пугался. Возможно, я себе вру, ведь к детской боли привыкнуть невозможно.

– Солнышко, что случилось? – спрашиваю я, включив в комнате свет. Он режет мне глаза, но этого я в данный момент боюсь меньше всего.

– Маа-маа, – тянет с плачем Эйвери. – Мама...

Я сажусь на край кровати и обнимаю её. Она кажется мне такой хрупкой и уязвимой, что я временами боюсь задушить её во время объятий. Эйвери шесть лет, но внешне она выглядит значительно младше, возможно, из-за маленького роста.

– Всё хорошо. Не плачь, милая, – шепчу я и целую её в макушку. – Это всего лишь плохой сон.

А внутри у меня всё сжимается от тревоги и боли. Я ничем не могу помочь ей, и это кажется пыткой.

– Почему она бросила меня? Почему я ей не нужна? – Эйвери снова начинает плакать. Я уже больше сотни раз слышал эти вопросы. Но ответов на них нет, я их не знаю.

– Постарайся заснуть. Хочешь, я тебе прочитаю?

Я беру с прикроватной тумбочки книгу со сказками, но Эйвери отрицательно качает головой. Кажется, за последние месяцы она повзрослела на много лет. Всё изменилось, все мы изменились. Временами я чувствую отчаяние, кажется, что у меня ничего не получается.

– Можно, я буду спать с тобой?

Я несу её в свою спальню, кладу на кровать и ложусь рядом. Мы оба засыпаем быстро, хоть моё сердце всё ещё бешено бьётся. Страх за ребёнка – самый сильный страх. И он тебя подчиняет себе целиком. Ради счастья и благополучия ребёнка ты можешь сделать всё что угодно, пойти на любой поступок. Это и есть абсолютная любовь – всё ради счастья другого, не требуя ничего взамен.

Утром я стараюсь не вспоминать о том, что случилось ночью. Знаю, Эйвери сложно даётся жизнь без матери, но с другой стороны, разве ей было бы лучше с ней?

– Одевайся скорее, иначе мы опоздаем. Завтрак уже готов, – кричу я с кухни.

Я ставлю на стол тарелку с кашей для Эйвери, чашку чая и печенье, а после запаковываю ей сэндвичи. Эта схема отработана уже до автоматизма, хотя раньше у меня полчаса уходило лишь на одну кашу. Но со временем ты привыкаешь к своим обязанностям. Большинство мужчин не знает таких проблем, ведь этим у них занимаются жёны. Я же в свои тридцать пять лет умею делать практически всё по дому. Когда в твоей жизни появляется кто-то, кому нужна твоя поддержка и забота, ты забываешь о своих интересах.

Эйвери заходит в кухню и садится за стол. На ней обычное детское платье, но оно так идёт ей. В свои шесть лет Эйвери – точная копия своей матери: светлые волосы, вздёрнутый носик и большие глаза. Я уверен, что когда она вырастет, то будет сводить с ума мужчин своей красотой. Хотя мне меньше всего хотелось бы отдавать её кому-то. Она словно привязана к моему сердцу, приклеена, пришита. Я не могу ни на секунду представить, что её не будет рядом.

И мне всегда было интересно, все ли родители испытывают то же самое или у меня выработался обострённый эффект защиты Эйвери от всего плохого.

Что она не унаследовала от матери, так это характер. Девочка всегда спокойная и в меру счастливая, в отличие от надменной капризной матери. Первое время я видел в Эйвери Шерил, но потом стал замечать, насколько они разные.

– Сегодня у бабушки день рождения. Давай позвоним ей вместе, – предлагаю я.

– Она меня не любит. Звони сам, – отказывается Эйвери, и я понимаю, что спорить бесполезно. В какой-то степени она права.

Я выхожу в гостиную и набираю мамин номер. Мы почти не общаемся. Наш конфликт тянется уже не один год, но я считаю своим долгом позвонить ей в такой день.

– Здравствуй, мама. С днём рождения, – говорю я, услышав «Алло».

– Здравствуй, Этан! Спасибо, – отвечает мне мама. Её голос звучит тепло и спокойно, будто между нами никогда не было никаких проблем. – Ты не заедешь ко мне? Я пригласила гостей на четыре часа.

– Не знаю, мама. У меня работа, и Эйвери нужно будет забрать из школы.

Я произношу эти слова на свой страх и риск, заранее зная, какую реакцию они вызовут. Мама всегда была упряма, но и я такой же, поэтому нам всегда сложно находить общий язык.

Мама молчит. Эта тишина в телефонной трубке в очередной раз напоминает мне об истинном отношении мамы к моей дочери. И осознание этого факта хоть и не ново для меня, но причиняет дискомфорт. В животе неприятно колет, и я стараюсь занять свои мысли чем-то другим. Но мама опережает меня.

– Ты бы мог хотя бы в этот день не напоминать мне о ней?! И о том, что мой сын выжил из ума? – последние слова мама буквально выкрикивает. Я слышу злость. Вижу сквозь много километров, как мама сжимает свободной рукой край скатерти на столе, бросает взгляд на нашу совместную фотографию и закрывает глаза, стараясь не поддаваться злости полностью. Я выучил все её привычки за много лет, что находился рядом.

Хотя последние годы я с трудом узнаю свою мать в этой холодной, полной злости женщине. Были времена, когда она была доброй феей для меня, после – подругой и мудрой советчицей. Она всегда звонила мне в сложные моменты, словно чувствовала мою боль на себе. И голос в трубке всегда звучал ласково.

– Ты не проведёшь меня, Этан! И не упрямься. Я всегда помогу тебе и поддержку. Такова моя роль, – сказала она мне как-то. И я почувствовал, как тепло её слов разлилось в моей груди и растопило все печали, пусть и на пару минут.

А сейчас мне кажется, что маму подменили. Я давно не слышал её шуток, смеха и глупых историй про детей её подруг, которые казались мне утомительными и ненужными. Сейчас я скучаю даже по ним, ведь наше общение теперь сводится только к ссорам и обидам. Я слышу, как она демонстративно всхлипывает, временами жалуется на давление и головные боли, и во мне растёт чувство вины. Она добивается именно этого, я понимаю. Но, кажется, у неё всё-таки получается.

– Не говори так, пожалуйста, – протестую я, стараясь не нервничать. – Эйвери тоже передавала тебе поздравления, – лгу я.

– Мне не нужны её поздравления, – кричит мама, и её голос дрожит. Больше всего я боюсь, что она снова начнёт плакать, и я не выдержу. Мы никогда не доводим разговоры до конца, потому что я не выношу её слёз.

– Она твоя внучка, мама, – я стараюсь сделать так, чтобы мой голос звучал убедительнее, хотя отлично понимаю, что никакие аргументы тут не помогут.

– Она не моя внучка! У меня горит пирог, созвонимся позже, – мама бросает трубку. На этот раз первой не выдержала она.

Я бросаю телефон на стол и возвращаюсь в кухню. Эйвери уже домывает тарелку, пусть и не так умело, как взрослые. Эта девочка растёт на удивление хозяйственной и дисциплинированной, хотя говорят, что такие дети всегда более педантичны.

Впервые мы услышали об эпилепсии, когда Эйвери было четыре. И тогда всё изменилось. С тех пор я научился многим вещам: быть осторожным и внимательным по отношению к дочери, всегда обращать внимание на её самочувствие и настроение, иметь под рукой все необходимые медикаменты, переживать за неё каждую минуту и самое главное – ценить каждый день, проведённый рядом с этой девочкой. Эйвери никогда не была смертельно больна, однако я понимаю возможные последствия своих ошибок в уходе за ней.

– Но ведь я не передавала никаких поздравлений, – говорит Эйвери, вытирая руки. Она смотрит на меня и качает головой, словно осуждает. – Это ты должен учить меня не лгать, а не я тебя.

Я улыбаюсь. Порой я забываю о том, что моя дочь так быстро растёт. Мне хотелось бы всегда видеть её маленькой девочкой, играющей со старым медведем матери и не знающей ещё боли утраты.

– Я не солгал. Верю, что ты хотела её поздравить.

– Тётя Мэдлин заберёт меня или она сегодня будет у бабушки? – спрашивает Эйвери.

Я мою руки, беру необходимые вещи и выхожу из кухни.

– Ещё не знаю, я позвоню ей. Не переживай, ты не останешься одна. Сегодня вечер спагетти, ты не должна пропустить это, – кричу я на ходу.

Девочка смеётся, и я в очередной раз осознаю, как мне приятно слышать её искренний смех, приятно делать её счастливой. Казалось бы, что сложного порадовать ребёнка? Но на самом деле у детей совершенно другие ценности, и взрослые редко понимают их. Я не исключение. А потому для меня были важны моменты, когда я мог угадать её потребности.

– Приготовишь соус с грибами? – предлагает Эйвери, когда мы уже выходим из дома.

В кармане вибрирует смартфон. Достāju его и машинально открываю новое сообщение, даже не обратив внимания на отправителя.

«Привет. Я в городе. Может, встретимся?»

И потом уже смотрю на имя контакта. «Шерил».

Я замираю, сердце и вовсе будто останавливается. Становится понятно, что скоро всё опять полетит в пропасть.

– Что случилось? – встревоженно спрашивает Эйвери, как всегда проявляя недетскую чуткость.

Беру себя в руки и натягиваю улыбку. Она не должна страдать из-за моих проблем. Не теперь, когда я смог сделать из наших дней хотя бы что-то, отдалённо напоминающее счастливую жизнь.

– Сыр добавлять? – только и спрашиваю я.

После того, как отвожу Эйвери в школу, я направляюсь в ресторан моей сестры Мэдлин. На самом деле, сложно назвать это заведение рестораном, но моя сестра всегда настаивала именно на этом слове.

Ей понадобился не один год, чтобы заработать на это небольшое кафе. Мэдлин предпочла забросить учёбу и посвятить себя работе. И только сейчас она решила вспомнить о том, что не имеет высшего образования. Самое время, когда тебе тридцать лет.

В перерывах между заботой о дочери и преподаванием в университете, я помогал своей сестре в ресторане, исполняя роль то повара, то бармена. Мэдлин катастрофически не хватало людей, а ещё денег, чтобы платить зарплаты.

– Сегодня совсем нет гостей, – говорит Мэдлин, сев за барную стойку. – Сделаешь мне кофе?

– Ты пьёшь слишком много кофе. Когда-нибудь это тебя добьёт, – отвечаю я ей и принимаюсь выполнять её просьбу. – Как дела в университете?

Мэдлин качает головой и улыбается.

– Не очень удачная тема для беседы таким прекрасным днём, – всё с той же улыбкой отвечает она. – Лучше расскажи, как дома дела. Ты поздравил маму с днём рождения?

– Не очень удачная тема для беседы таким прекрасным днём, – пародирую я её, и она смеётся.

– Ох, Этан, почему жизнь с нами так несправедлива? – вздыхает Мэдлин.

– Какие твои годы? – улыбаюсь я и ставлю перед ней чашку кофе. – И да, если после того, как допьёшь кофе, тебе будет нечем заняться, то имей в виду, что я не против перекусить.

– Не проблема, – отвечает она и делает глоток кофе. – Сара, сходи на кухню, попроси у Томсона что-нибудь перекусить для Этана, – кричит она девушке, которая стоит неподалёку.

Сара кивает и отправляется на кухню. Она нравится мне. Эта девушка работает здесь всего пару недель, мы даже не общаемся, но Сара производит впечатление человека, у которого есть цель и чёткий план, а мне нравятся такие люди, хоть я сам к ним и не отношусь.

– Я ведь просил тебя. Она новенькая, не стоит дёргать её по каждому поводу, иначе она скоро сбежит, и ты снова останешься одна, – протестую я, хотя в голосе нет злости. Я не могу обижаться на Мэдлин. Она хорошая девушка, зачастую улыбающаяся и готовая выслушать меня.

Хотя и это неважно. Она просто моя сестра, а любовь к сестре – врождённое умение. С этим ничего не поделать.

– Быстрее научится. А то уже пять тарелок разбила, – лениво протягивает Мэдлин, делая очередной глоток.

– Кто бы говорил! Я помню, ты уронила штук десять только в первый день работы официанткой, так что твой рекорд пока не побит. – Я принимаюсь натирать бокалы для вина.

Кто сказал, что работа бармена не может нравиться? Я любил всё за этой барной стойкой: от бумажных полотенец до последнего бокала. Любил эту кристальную чистоту, блеск, чёткое отражение собственных глаз в каждом бокале. А ещё тот едва уловимый звук, когда вино только-только касается поверхности стекла. Это завораживает, как настоящее чудо.

Поднимаю бокал повыше, чтобы оценить качество своей работы, и сквозь стекло вижу девушку в таком знакомом мне красном платье, выглядывающем из-под шубы. Я сглатываю. Паника нарастает внутри меня, и я не могу ничего с собой поделать.

– Наконец-то пришёл кто-то, – произносит Мэдлин и отодвигает чашку с кофе в сторону. Она встаёт, берёт со стойки свой блокнот и идёт к только что занятому столику.

Я просто стою и смотрю, как они разговаривают, Мэдлин что-то записывает, улыбается, а после идёт напрямиком ко мне. Мне не нужно смотреть на её выражение лица или слышать то, что она собирается сказать. Я знаю всё сам.

– Какого чёрта она здесь, Этан? – шепчет она мне, подойдя ближе. Её лицо пылает от гнева. – Она думает, что можно просто так заявиться сюда после года отсутствия и заказать салат?! Нет, серьёзно, ты бы отвёл её на психологическую экспертизу! У неё явно не все дома!

– Мэд, успокойся, – шепчу я в ответ и сам ужасаюсь тому, насколько испуганно звучит мой голос.

Казалось бы, что это глупо – бояться какой-то женщины, сидящей за столиком в паре метров, но её присутствие сковывает меня, замораживает. Я чувствую, как начинают трястись руки.

– Я на работе. Я не стану говорить с ней, – говорю я и принимаюсь протирать стойку полотенцем так сильно, словно она действительно запачкана.

– О, я сомневаюсь, что всё будет по-твоему, – фыркает сестра. – Она заказала вино и попросила, чтобы бармен открыл при ней бутылку. Так что иди и попробуй не заговорить с ней, если получится.

– Ты так злишься, будто бы это моя вина, что она здесь, – отвечаю я, доставая бутылку.

– А чья вина в том, что ты не развёлся с этой сумасшедшей до сих пор? Да я бы вообще в судебном порядке запретила приближаться ко всем членам твоей семьи.

– Успокойся, – говорю я Мэдлин. Хотя на самом деле успокаиваю себя. Мне нужно унять дрожь в руках и стереть с лица этот ужас. Я мысленно досчитываю до двадцати и выхожу из-за барной стойки.

Чем ближе я подхожу к столику, тем яснее вижу её. Она не изменилась – всё такая же красивая, вечно завивающая волосы и красящая ногти красным. Только теперь она улыбается уже не ласково и нежно, а наигранно, самодовольно, словно получает удовольствие от моего удивления и настороженности. Она может вытворить что угодно, и это пугает меня.

Я останавливаюсь у её столика, улыбаюсь, откупориваю бутылку вина и ставлю её на стол. Надеюсь уйти молча, хотя в глубине души знаю, что она мне не позволит.

– Здравствуй, Этан, – она проводит кончиками пальцев по своей шее, словно соблазняя меня, но все эти приёмы давно не работают на мне. – Ты разве не получил моё сообщение?

– Здравствуй, Шерил, – отвечаю я, собрав всю волю в кулак. – Получил, но не было времени ответить.

– Ты всегда так занят, всегда торопишься куда-то, расслабься, станет легче жить, – она широко улыбается, и я непроизвольно хмыкаю.

– Что ты хочешь? – спрашиваю я у неё довольно строгим тоном. – Зачем вдруг вернулась? Закончились деньги или мужчины?

– Ну зачем ты так, милый? – она указывает на пустой бокал, я наливаю в него вино. – Я приехала потому, что жутко соскучилась по тебе и дочке.

– Дочке? – позволяю себе слегка повисить голос. – А у тебя разве есть дочь? Тебя не было год, Шерил. Ты уверена, что она ждёт тебя до сих пор?

– Но ты ведь ждал, – усмехается она и делает глоток вина. Должно быть, вкус приходится ей по душе, потому что она одобрительно кивает. – Как приятно, что ты помнишь, какое именно я люблю.

Я ничего не отвечаю, сделав вид, что не услышал её слов. Мне тяжело стоять рядом с ней и не знать, что творится у неё в голове. У меня больше нет к ней нежных чувств. Я не схожу с ума по её волосам и голосу, но мои руки слегка трясутся при виде неё. Я боюсь за Эйвери. Разве можно доверять женщине, которая бросала свою дочь десятки раз, уходя к разным мужчинам?

– Присядь, – говорит она. – Нам нужно о многом поговорить.

– Шерил, – отвечаю я, вдруг набравшись уверенности, – мы не будем разговаривать. Я не хочу видеть тебя в своей жизни и не подпущу тебя к дочери ни на милоу.

– Это не твоя дочь, и ты это прекрасно знаешь, Этан, – Шерил достаёт из сумки какие-то бумаги и протягивает их мне. – Подпиши, я снова уеду и больше тебя не потревожу.

– Что это? – спрашиваю я, зная, что ничего хорошего мне это не сулит.

– Разрешение на выезд девочки, – только и произносит она.

– Ты даже не зовёшь дочь по имени. С чего ты взяла, что я это подпишу?

Шерил снова слабо улыбается. В её глазах я вижу небывалую уверенность и насмешку. Она что-то знает, и это что-то явно не в мою пользу.

– Хочешь ты этого или нет, я увезу её в Северную Каролину, и ты больше никогда её не увидишь.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

Моя мать всегда тяготела ко всему необычному. И сегодня я в этом снова убедилась. Довольно странно назначать встречу с дочерью, которую не видела пятнадцать лет, в сомнительном заведении, позиционирующем себя как ресторан. Хотя нет ничего логичного и в том, чтобы вообще хотеть встретиться с ребёнком, которого всю жизнь ненавидела.

Здание ресторана выглядит старым, привлекательности ему добавляет только яркая вывеска: именно то, что привлечёт ваше внимание в серые зимние дни. Про себя отмечаю, что это как раз мне и нужно сейчас. Кусочек яркого света посреди обыденности.

Захожу внутрь и останавливаюсь на пороге, гадая, как сейчас выглядит моя мать, и смогу ли я вообще её узнать. Но все страхи развеиваются довольно быстро. Во всём зале ресторана занят только один столик, и я точно знаю, кем именно. Мне стоит больших усилий подойти ближе и унять дрожь во всём теле.

К моему удивлению, мать совсем не изменилась, осталась такой, какой я видела её в последний раз. Светлые локоны, красный лак на ногтях и красная помада, взгляд, полный надменности и высокомерия. Я видела её такой каждый день на протяжении девяти лет, что мы жили под одной крышей. Такой я её запомнила – холодной и жестокой. Раньше это меня пугало, а сейчас вызывает лишь смех. Она может запугать ребёнка, но со взрослым человеком ей не справиться одним только убивающим взглядом.

Рядом со столиком стоит бармен, я не успеваю уловить суть разговора, ведь, завидев меня, они сразу замолкают. Мужчина выглядит раздражённым и немного сбитым с толка. Кажется, они с моей матерью знакомы.

– Ты хотела меня видеть, Шерил, – как можно спокойнее произношу я и сажусь рядом. – Что-то произошло?

– Этан, – мать обращается к бармену и наигранно улыбается, – познакомься, это – Лили.

– Лилиан, – поправляю я и чувствую, как внутри всё сжимается. Как она может называть меня так? Разве своё право быть ко мне ласковой она не продала за свободу?

– Лилиан, – с той же улыбкой произносит Шерил, словно её это не задело, хотя, может, ей действительно всё равно. Почему я полагаю, что она поменялась за эти годы? Но, с другой стороны, она ведь не зря меня отыскала. Что это? Раскаяние? Или выгода?

– Подрабатываешь наставничеством, Шерил? – спрашивает бармен. Он выглядит младше моей матери, но не уступает ей в привлекательности. – Обучаешь молодое поколение, как стать стервой за неделю?

Я едва сдерживаю нервный смешок. Видимо, за столько лет моя мать ни капли не поменялась. Довольно странно, словно прошло не пятнадцать лет, а пару месяцев.

– О, Этан, ты снова ко мне несправедлив, – отвечает женщина. – Это моя дочь.

Мужчина молчит какое-то время, видимо, пытается осознать услышанное. Его глаза сужены, словно он пытается таким образом разглядеть, правду ли говорит эта женщина. Я не должна удивляться. Похоже, общение с моей матерью многому его научило.

– Мне очень жаль, что ты сломала жизнь ещё одной девочке, – произносит Этан и поспешно уходит за барную стойку. Я долго смотрю ему вслед, пытаюсь понять сказанные им слова.

– Итак, – размеренно произносит Шерил, обращаясь ко мне, – ты стала красавицей, Лилиан.

– Вряд ли это твоя заслуга, – отвечаю я и чувствую, что злюсь. Хотя это не странно. – Как ты вообще нашла меня? У меня теперь другая фамилия.

– Тайна удочерения – условное понятие для тех, кто разбирается в законах, – отвечает мать и делает глоток вина. В каждом её движении грация и изысканность, и только я знаю, что на самом деле за этим стоит. Абсолютная пустота.

– И зачем понадобилось прилагать столько усилий? Только не говори, что решила побыть моей матерью для разнообразия, – произношу я как можно отстранённое.

Я совру, если скажу, что никогда не представляла эту встречу. Это казалось мне неизбежным, хотя за всю жизнь мы могли так и не увидеться больше. Но в моей голове было тысячу сценариев и миллионы слов, которые я хотела бы сказать матери. Только в данный момент все эти слова не имели смысла, ничего не имело смысла. Вся эта ситуация казалась глупой и нереалистичной, словно я смотрю на всё происходящее с экрана телевизора, словно это дешёвый сериал с прескверным сюжетом.

– Хотела узнать, как сложилась твоя жизнь, всё ли у тебя хорошо, – отвечает Шерил, и я почти ей верю, либо просто хочу в это верить. – Я слышала, ты обзавелась своим бизнесом, стала успешным человеком.

Я усмехаюсь и борюсь с желанием уйти. Как и предполагалось, эта встреча не принесла мне никакого удовольствия или же спокойствия. Только чувство, будто сухое сердце расплывается в трещинах, и этим дырам никогда не зарости.

– Ты ошиблась, Шерил, – только и отвечаю я. – У меня всего лишь маленький магазин цветов, приносящий стабильный мелкий доход. Тебе так нужны были деньги, что ты решилась на встречу со мной?

– Просто хотела убедиться, что ты всё ещё помнишь обо мне, – уже более отстранённо отвечает мать и допивает вино. Она ставит бокал на столик и звук соприкосновения стекла с деревом кажется мне самым оглушающим звуком в мире.

Я протягиваю матери руку, на которой ещё чётко виден шрам, оставленный утюгом много лет назад.

– Что ж, – подытоживаю я, – твоя любовь никогда не давала мне забыть о тебе.

Мать едва заметно усмехается, как в тот день, когда меня забирали из дома социальные работники, достаёт из сумочки деньги, бросает их на столик и просто уходит.

– Была рада встрече, дорогая, – бросает она на ходу, и меньше чем через минуту хлопает входной дверью. Я остаюсь наедине со своей болью, снова.

В детстве, живя с матерью под одной крышей, я часто оставалась одна. Порой она не появлялась все выходные, а про праздники и говорить не стоит. Можно пересчитать по пальцам праздничные дни, когда она находилась дома.

Такой она была всегда – жажда свободы, независимости, развлечений. И никакого желания нянчиться с ребёнком, которого, по всей видимости, никогда не желала.

Я вспоминаю себя в семнадцать лет и понимаю, что я тоже не была бы готова к подобному. Хоть я и пошла в колледж только по наставлению брата, променять эти годы на бесконечные минуты воспитания я бы не смогла. Хотя едва ли я могу загадывать.

– Что-нибудь будете заказывать? – окликает меня бармен, и я пытаюсь выбросить из головы все воспоминания и размышления.

Долго смотрю на мужчину и пытаюсь понять, что может связывать мою мать с этим человеком. Она редко выбирала хороших мужчин. Нет, не то чтобы все они были неудачниками или что-то в этом роде. Наоборот, обычно все они были в той или иной мере успешными, при деньгах или связях, но, между тем, властными, напористыми, жестокими.

Однажды мать пришла домой с синяком на лице. Я никогда не задавала вопросов об этом, ведь знала, что не получу ответа, а только разозлю. Но где-то в глубине души я была рада, что кто-то смог дать ей отпор, что кто-то применил против неё её же оружие, сделал ей так же больно, как она делала мне день за днём. Вот так Шерил и сделала из меня отрицательного персонажа этой жизни.

– Я могу с Вами поговорить? – мой голос, кажется, звучит жалобно, жаль, что так.

Мужчина на секунду задумывается, а после кивает в знак согласия и садится за столик.

– Этан Хант, – произносит он спокойно, хотя ещё пять минут назад при разговоре с моей матерью он был явно раздражён.

– Лилиан Мерритт, – отвечаю я и не знаю, что ещё добавить. Вся эта ситуация кажется мне до ужаса странной.

– Я думал, ты носишь фамилию матери – Бэйли, – замечает Этан, а я непроизвольно вздрагиваю. За столько лет я отвыкла слышать эту фамилию и боялась её, словно она была проклята. – Ты замужем?

– Нет. К счастью, в моей жизни была другая, настоящая, мать, – поясню я и мужчина утвердительно кивает. – Вы сказали странную фразу, словно Шерил сломала жизнь ещё одной девочке. Кто эта девочка? У моей матери есть вторая дочь?

Около минуты Этан молчит, переминая пальцы. Эта тема тревожит его, а значит, ему есть что сказать.

– Эйвери, – наконец отвечает мужчина. – Ей недавно исполнилось шесть.

На мгновение моё сердце замирает, а после начинает учащённо биться. Мне страшно, что я могу потерять рассудок из-за такого наплыва болезненной информации. Разве думала я, что, придя сегодня в ресторан, узнаю то, к чему не была готова? Все переживания насчёт Шерил сразу куда-то улечиваются, остаётся только одно слово, которое отбивается у меня в голове в такт пульсу. Эйвери. Эйвери.

– Моя сестра, – шепчу я, проводя рукой по лицу. Нужно время, чтобы всё осознать. – Вы её отец?

– Что ж, – растерянно отвечает Этан, – она живёт со мной и носит мою фамилию, так что, да, я её отец.

Меня радует тот факт, что моя сестра не находится в заложниках у матери. Жизнь с Шерил никогда не сделает счастливым ни одного человека на этой планете. И как этот мужчина вообще связался с ней?

– Я могу её увидеть?

– Довольно сложный вопрос, – серьёзным тоном отвечает мужчина. Я вижу, что он напрягся. – Это нужно хорошо обдумать.

– Разве я не имею права увидеть свою сестру?

– Дело в другом, Лилиан, – произносит Этан так, словно зачитывает приговор. – Не уверен, имею ли я право позволить появиться в жизни Эйвери человеку, который сможет её предать. Прости, мне нужно работать. И если ты не хочешь чего-нибудь поест, я, с твоего позволения, вернусь за стойку.

Этан уходит, а я остаюсь сидеть за столиком, наполненная до краёв осознанием собственного поражения по всем фронтам. Мне нужно время, чтобы уложить всё это в голове и понять, что делать дальше.

Я спешно выхожу из ресторана и на ходу набираю номер Джейсона, молясь, чтобы брат, наконец-то, взял трубку. Но, к сожалению, чудес не бывает.

До офиса Джейсона не меньше десяти кварталов, и я всё равно иду туда пешком. Знаю, что мне нельзя отвлекать брата от работы, но справиться с такой ношей одна я не в силах. Мне срочно нужен совет и поддержка, а так уж случилось, что кроме сводного брата у меня никого нет во всём мире.

В приёмной у Джейсона только секретарь, которого я вижу впервые. Брат вступил в руководящую должность совсем недавно, и я до сих пор не привыкла, что теперь для встречи с ним мне нужна предварительная запись.

– Мистер Мерритт освободится через пару минут, – говорит мне девушка-секретарь. – Вам назначено? Как Вас представить?

– Мне не назначено, – отвечаю я. – Меня зовут Лилиан, Лилиан Мерритт. Передайте Вашему боссу, что это очень срочно.

Девушка меняется в лице, но при этом пытается сохранить улыбку. Наверное, этому учат в колледже в разделе «Как сохранить дружелюбие, даже если вы в шоке». Ну или что-то в этом роде.

– Мистер Мерритт – Ваш муж? Я считала, что он холост.

– Да, милая, так и есть, – отвечаю я с улыбкой, оставляя девушку в недоумении.

Обо мне здесь ничего не слышали. Должно быть, не стоит удивляться, если сам Джейсон забыл о факте существования сестры.

– Мистер Мерритт, – произносит секретарь в телефонную трубку, озадачивая брата, – к Вам миссис Мерритт. Передать, что Вы заняты? Да, конечно.

Девушка кладёт трубку и снова улыбается, не произнося ни слова. Через пару секунд дверь в кабинет открывается, и на пороге я вижу Джейсона. Костюм и галстук, безусловно, ему к лицу. Он кажется ещё выше и серьёзнее. Не помню, когда в последний раз видела брата в повседневной одежде. С тех пор, как он окончил школу, он словно врос в этот костюм. Образно, конечно, ведь теперь костюмы в разы дороже того, который был у него в восемнадцать. Он купил его для выпускного, но впервые надел на похороны. Такая уж у нас жизнь.

Брат на секунду прищуривается, а когда фокусируется на мне взглядом, улыбается. Уверенность в его глазах сразу сменяется на нежность.

– Лилиан, рад тебя видеть, – говорит брат и обнимает меня. Я чувствую, что именно этого мне не хватало, – человеческого тепла. – Почему не предупредила, что заедешь?

– Довольно остроумно, Джейсон, – отвечаю я серьёзно, а после добавляю шёпотом, – ты не отвечаешь на мои звонки.

– Очень много работы, прости, – оправдывается брат. – Давай поговорим у меня в кабинете.

Пару минут я осматриваюсь вокруг. Кабинет кажется мне идеальным, таким, словно его создали специально для моего брата. Большие окна, много света, карта мира на стене и большой деревянный стол. В детстве Джейсон мечтал стать путешественником и вырезал из дерева кораблики. Он говорил, что, натренировавшись, сможет построить самый огромный в мире корабль и увезти меня на другой конец планеты, туда, где всегда лето, туда, где есть бескрайние луга, окутанные ароматом лилий. Брат всегда был самым весёлым и самым смелым мальчишкой, которого я знала. Боялся он только темноты и смерти. Как оказалось, не зря.

– Тебе очень идёт роль начальника, – улыбаюсь я.

Путь от простого финансового менеджера до начальника всего финансового отдела весьма немаленькой фирмы был невероятно сложным. Джейсон работал сутками, почти не спал и никогда не позволял себе расслабиться даже на минуту. Таким я его всегда знала —стремящимся сделать мир для родных чуточку лучше. Я не виню его в том, что он стал карьеристом, ведь знаю, что всё это он делал для меня. И я до сих пор не знаю, как ему за это отплатить.

– Я очень по тебе соскучился, Лили, – улыбается брат. – Прости ещё раз за неотвеченные звонки. У тебя всё в порядке?

– Я виделась с матерью, – поясняю я, – с Шерил.

Брат меняется в лице. Я знаю, что он всегда переживает за меня, а тема матери всегда была болезненной, и ему это известно.

– Всё прошло не очень? – интересуется парень.

– Не знаю, что озадачило меня больше: то, что мать связалась со мной лишь из-за денег, или то, что у меня есть сестра, – признаюсь я брату.

– Сестра? Лилиан! Твоя сестра? То есть все твои рассказы были правдивы? – Джейсон встревожен. Я понимаю, о чём он говорит, но сейчас он ошибся.

– Не совсем так. Шесть лет назад моя мать родила дочь. У меня есть сестра, в существовании которой я уверена на сто процентов, и которую я не могу даже увидеть.

– Мы с этим разберёмся, – обещает мне брат в своей любимой манере – уверенность и надежда на лучшее. – Мы во всём разберёмся.

Мне остаётся только молча согласиться и верить в то, что это не просто слова. Я смотрю на карту мира на стене и мечтаю оказаться где-нибудь посреди Тихого океана, чтобы миллионы лет тонуть в воде, которая, наконец-то, вымоет из меня всю боль.

ЭТАН

Январь, 2018 год

В школьном коридоре пусто и непривычно тихо. В сентябре Эйвери пошла в первый класс, но я так и не привык к атмосфере начальной школы. Обычно здесь шумно и суетливо, но не сегодня. Я бросаю взгляд на часы и вздыхаю. Ничего удивительного, уже почти шесть.

Эйвери сидит за столиком и рисует. Мисс Саммерс, учительница дочери, заполняет какие-то бумаги, а когда замечает меня, сдержанно улыбается. Я знаю, что едва ли ей хочется сидеть здесь так поздно в ожидании отца, забывшего забрать дочь вовремя.

– Эйвери, – окликает она мою дочь, – вот и папа. Я же говорила тебе, что он скоро придёт.

Девочка поднимает на меня глаза, и я вижу в них обиду. Эйвери откладывает в сторону карандаш, встаёт, молча берёт рюкзак и, попрощавшись с учителем, выходит из кабинета. Я тоже собираюсь выйти, но мисс Саммерс меня окликает.

– Мистер Хант, не найдёте минутку?

– Что-то произошло? – спрашиваю я.

– Ваша жена звонила сегодня, просила позвать к телефону Эйвери. Дети были на обеде, поэтому мне пришлось ей отказать. Это не моё дело, – мисс Саммерс заметно нервничает, – но девочка чувствует всё, что происходит, и тяжело это переживает, даже если с первого взгляда это не так заметно.

– Шерил – сложный человек, – объясняю я, чувствуя, как учащённо бьётся сердце. – Эйвери не стоит знать, что её мать вернулась. Вряд ли это надолго.

– Если Ваша жена пожелает забрать дочь из школы, я не смогу не отдать её, Вы же это понимаете? – спрашивает девушка и я утвердительно киваю. К сожалению, я всегда это знал.

Но правда в том, что Шерил никогда не интересовалась дочерью, а теперь вдруг решила забрать Эйвери себе, встретила с Лилиан.

Благодарю мисс Саммерс и выхожу из кабинета. Я старался не думать о Лилиан весь день, но это было сложно. Всё это кажется таким нереальным, что я просто отрицаю факт знакомства с ещё одной дочерью жены.

Когда мы только встретились с Шерил, у меня и мысли не возникло, что где-то у неё живёт ещё один ребёнок. Такое вряд ли может прийти кому-то в голову. Не спрашивать же каждую девушку, с которой знакомишься, есть ли у неё тайные дети. Шерил перевезла свои вещи ко мне в квартиру в больших коробках и разложила только то, что считала нужным. А остальное мы спрятали в кладовой. Она утверждала, что там просто хлам, который жалко выбросить, но вдруг там было что-то, что могло открыть мне глаза? Детские вещи, фотографии, документы. Жаль, что я никогда этим не интересовался.

Эйвери молчит всю дорогу до дома, а у меня нет сил изображать прекрасное настроение и веселить её. Чувствую себя отвратительным отцом, ведь моя задача состоит именно в том, чтобы забыть о своих переживаниях хотя бы на время ради ребёнка. Хотя слепое самопожертвование тоже не на пользу детям.

Моя мать часто делала это – жертвовала своим временем, карьерой, возможностями только для того, чтобы мы выросли счастливыми и успешными. У неё ничего не вышло, и теперь зачастую мы с сестрой слушаем жалобы о том, что она положила на нас жизнь, а мы этого не ценим. Удивлён, как это она ещё не выставила нам с Мэдлин счёт за все годы совместного проживания.

– Обижаясь? – спрашиваю я дочь, когда мы уже заходим в дом.

Эйвери бросает рюкзак на пол и пожимает плечами, так и не произнося ни слова. Она проходит на кухню, берёт со стола яблоко и собирается к себе в комнату. Но резко останавливается и оборачивается.

– Ты обещал забрать меня вовремя, – произносит она и откусывает яблоко. В глазах всё та же обида. – И ты обещал спагетти.

– Я принёс несколько порций из ресторана тёти Мэдлин, – только и произношу я в своё оправдание. Чувствую свою вину и мне действительно жаль огорчить дочь.

Эйвери только отрицательно качает головой. Я пытаюсь понять, откуда в этом маленьком ребёнке так много взрослых черт, но потом вспоминаю, сколько боли она уже пережила. Страдания всегда делают нас старше.

– Ты обещал приготовить сам, – только и произносит Эйвери. – Ненавижу оставаться одна, как будто у меня нет родителей.

Она уходит в свою комнату, а я не нахожусь, что ответить. Все эти годы, что я воспитываю Эйвери, я пытался сделать для неё всё, чтобы она не ощущала отсутствия вечно занятой матери и отца, о котором никто ничего не знает. Я удочерил Эйвери потому, что был безумно влюблён в Шерил (хотя это была не совсем здоровая и очень уж недолгая влюблённость), но с тех пор я так сильно полюбил девочку, что не часто вспоминаю, что она на самом деле мне не дочь.

Пару недель назад у Эйвери в школе была тема семьи. Они собирали фотографии, клеили альбом и рассказывали о ближайших родственниках. Сперва эта тема не на шутку меня напугала, я даже решил поговорить с учительницей, ведь наша семья – не совсем тот пример, о котором стоит рассказывать. А разговоры о матери делают Эйвери больно. Но мисс Саммерс заверила меня, что это будет только на пользу, и я нехотя согласился.

На самом деле мои страхи не оправдались. Эйвери с большим энтузиазмом приклеивала фотографию матери и улыбалась. Странно, что после всего, что Шерил сделала, Эйвери всё ещё так сильно любит её и дорожит ею. Возможно, родная мать привязывает к себе ребёнка невидимыми нитями, которые могут натягиваться до самой критической точки, но никогда не рвутся.

И когда Эйвери закончила свой проект, у неё был только один вопрос.

– Папа, – деловито произнесла она, держа листок в руках и сверяя фотографию со мной живую. – Я совсем на тебя не похожа.

Глупо отрицать очевидное. Моя дочь не похожа на меня только потому, что она не моя дочь. Простая формула.

– Девочки всегда похожи на маму, – ответил я ей тогда, и дочь согласилась, ничего не заподозрив.

Я прохожу на кухню, убираю контейнеры с едой из ресторана в холодильник и проверяю автоответчик. На нём ни одного сообщения, и я не знаю, рад ли я этому или наоборот. Не понимаю, чей голос я хотел здесь услышать: своей жены, желающей отобрать дочь, Лилиан, о которой я не знаю ничего, кроме того, что она точная копия Шерил? Правда в том, что я не могу позволить им обоим причинить Эйвери вред.

Просматриваю текст лекции к завтрашнему дню в университете, а после иду в детскую. Эйвери лежит в постели, но пока не спит. Выглядит она уставшей, меня это настораживает.

– Всё ещё обижаешься? – спрашиваю я тихо и сажусь на край кровати.

– Нет, – так же тихо отвечает девочка. – Голова болит. Можно мне поспать?

– Ты пила сегодня лекарство? – обеспокоенно спрашиваю я. – Что-то ещё болит?

– Всё в порядке. Я просто хочу поспать, – отвечает Эйвери.

– Только семь вечера, родная. Нужно поужинать, почистить зубы. И сделать уроки.

Эйвери вздыхает и смотрит на меня исподлобья. Иногда я боюсь её разбаловать, ведь абсолютно не могу противиться такому взгляду.

– Папа, – только и произносит она, и я сразу же сдаюсь.

Провожу рукой по её волосам и целую её в лоб. Любое её недомогание вызывает у меня бешеный страх, хотя мне известно, что приступы эпилепсии, кстати, весьма редкие, не представляют огромной опасности, пока я рядом. Единственный мой страх в том, что однажды я окажусь слишком далеко.

– Если станет хуже, обязательно скажи, – прошу я дочь. – Люблю тебя.

Эйвери улыбается и зарывается в одеяло.

Весь вечер я провожу за составлением конспектов для лекций, чтобы не думать ни о чём другом. На самом деле, сделать это трудно, ведь события сегодняшнего дня всё ещё стоят у меня перед глазами.

Утром я следую одной и той же схеме, которая выработалась за пару лет: готовлю завтрак, собираю обед для Эйвери. Сегодня в школу её везёт Мэдлин, так как у неё свободное утро, а мне нужно успеть заскочить к коллеге, чтобы забрать ноутбук, так не вовремя залитый кофе.

– Помни, что я люблю тебя, – говорю я Эйвери уже у дверей, прежде чем передать её сестре.

Девочка улыбается и, забрав из моих рук пакет с обедом, выходит из квартиры. Я не успеваю перекинуться с сестрой даже парой слов, но она обещает заехать вечером и поговорить. Сейчас мне нужно с кем-то обсудить то, что происходит. Собираюсь за считанные минуты и выхожу из квартиры, как вдруг слышу телефонный звонок. Это становится странной традицией. Предполагаю, что снова звонит Шерил, но номер мне неизвестен.

– Слушаю, – отвечаю я, закрывая дверь в квартиру на ключ.

– Этан, – произносит девушка. Её голос кажется мне знакомым. – Это Лилиан Мерритт.

Мы вчера виделись в ресторане.

– Рад снова слышать тебя, – произношу я и понимаю, что вру. Это совершенно не так.

– Мы не могли бы встретиться? – произносит она спокойно, но в то же время настойчиво. Эта интонация меня привлекает, но я тут же заставляю себя прогнать эти мысли.

– Если для этого есть причины, – отвечаю я туманно, хотя на самом деле понимаю, что не хочу этой встречи, ведь не знаю, что она мне принесёт.

– Есть, – говорит Лилиан так же спокойно. – Не дашь мне свой адрес?

– Думаю, нам лучше встретиться в ресторане, – не собираюсь вестись на её неумелую попытку выведать мой адрес. – Я буду там к четырём.

– Спасибо, – только и отвечает девушка и сбрасывает звонок.

Впервые время на лекциях тянется медленно, словно я сам студент, а не преподаватель. Я рассказываю о вычислении перманента и впервые отмечаю, что не хочу об этом говорить. Ни о чём не хочу сейчас говорить, пока не обеспечу Эйвери полную безопасность. Жаль, что эта идея – утопия. С такой матерью дочь никогда не будет в безопасности. А появление Лилиан полностью выбивает меня из колеи.

Я приезжаю в ресторан даже раньше, чем планировал. Мэдлин сегодня на лекциях в университете, а значит, на поддержку рассчитывать не приходится. Чашка кофе заканчивается на удивление быстро, и я заказываю ещё две: для себя и Лилиан. Словно моё хорошее к ней отношение может что-то изменить.

Лилиан приходит ровно в четыре, ни минутой позже. Такая пунктуальность только вызывает у меня улыбку. Девушка садится за столик напротив меня и сдержанно улыбается. Я, не стесняясь, рассматриваю её, ведь вчера мне было совершенно не до этого.

Я ошибался, когда утверждал, будто Лилиан точная копия Шерил. Теперь совершенно очевидно, что это не так. Они обе блондинки, те же черты лица, но на этом сходство заканчивается. Лилиан выглядит скорее невинной и дружелюбной, чем законченной стервой. Уверен, что с такой матерью её жизнь вряд ли была сказкой. Мне хочется её пожалеть.

Её волосы, такие же светлые, как у Шерил и Эйвери, аккуратно завязаны в хвост. Лёгкий макияж, едва заметная помада на губах. Тёплое платье только подчёркивает фигуру, и в каж-

дом её движению слишком много простоты. Она кажется мне хорошим человеком, но судить по внешности я больше не стану. Однажды я уже убедился, что не разбираюсь в людях.

– Прости, что потревожила, – искренне произносит Лилиан, и мне хочется верить, что она действительно сожалеет.

– Я заказал нам кофе, ты не против? – спрашиваю я, когда Сара ставит на столик две чашки.

– Весьма вовремя, – Лилиан снова улыбается, а я отмечаю, насколько красивой может быть улыбка, когда не испорчена фальшью. – Не смогла уснуть ночью. Всё время не находила себе места. Ещё вчера вечером вернулась сюда, чтобы снова поговорить, но не застала тебя. Мэдлин дала твой номер. Надеюсь, ты не против.

– Нет, – вру я и чувствую, что злюсь на сестру. Хорошо, что она не разболтала мой адрес, что полностью в её духе. – Речь снова пойдёт о встрече с Эйвери?

– Мне хватает ума понять, что ты пока не хочешь этого, – произносит Лилиан и делает глоток кофе. Она облизывает губы и ставит чашку обратно на столик. Это заставляет меня улыбнуться, сам не знаю почему. – Возможно, нам стоит пообщаться, чтобы ты понял: я не такая, как моя мать.

– Возможно, – говорю я в ответ, отмечая, насколько я сегодня некрасноречив. Слишком сложно подбирать слова. – Дело не конкретно в тебе. Просто Эйвери сполна хватается страданий из-за матери, чтобы я мог подпустить тебя к ней сейчас.

– Я понимаю, – она утвердительно кивает и берёт салфетку, хотя её руки идеально чистые. – Просто расскажи мне о ней. Какая она? Как она живёт?

– Она чудесный ребёнок, – отвечаю я и впадаю в ступор. Не знаю, что она хочет услышать. – Она любит спагетти и сказку про Снежную Королеву.

Лилиан едва заметно улыбается и несколько раз сворачивает салфетку. Я понимаю, что она нервничает, но и мне нелегко.

– Эйвери уже ходит в школу?

– Да, первый год, – отвечаю я и чувствую, что на душе становится легче. – Пока мы справляемся.

– Она ходит в Харрингтон? – спрашивает Лилиан и снова делает глоток кофе. Когда она ставит чашку на стол, я замечаю, что её руки дрожат. Что ж, для нас обоих это сложная встреча.

– Да, это хорошая школа, – поясняю я, но девушка отрицательно качает головой.

– Вовсе нет. Школа Мерьенте тебе не по карману? – спрашивает она, и я чувствую укол совести. Эта девушка знает, как меня задеть.

– Скорее – я не вижу в этом смысла, – мой ответ уклончив, но она утвердительно кивает головой, словно не поняла, что это лишь отговорка.

Около минуты мы молчим. Я не знаю, как себя вести. Мы оба не знаем. Неловкость давит на виски, голова начинает болеть.

– А ты чем занимаешься? – спрашиваю я только для того, чтобы нарушить это молчание, которое начинает напрягать.

– У меня небольшой цветочный магазин, – скромно произносит Лилиан. Её слова звучат так противоречиво, словно она гордится и стыдится одновременно. Всё зависит, видимо, от моей реакции.

– Это неплохо. В твоём возрасте, – и тут я понимаю, что не знаю, сколько ей лет. – В смысле, ты ещё так молода, и...

– Мне двадцать четыре, – отвечает Лилиан, словно прочитав мои мысли. Внезапно она напрягается всем телом, хотя не уверен, что она вообще была расслаблена. – Мне неловко, Этан. Прости, что я вторгаюсь в твою жизнь. Знаю, что тебе это неприятно. Но Эйвери – моя сестра. Единственный родной для меня человек. Больше у меня никого нет. И я не могу потерять возможность быть с ней. Решать в любом случае тебе. Просто подумай об этом, хорошо?

Лилиан допивает кофе и отодвигает чашку от себя. Я не должен ей верить, ведь совсем её не знаю. Но она кажется такой настоящей, что я хочу сделать всё, что в моих силах. Возможно, всё дело в том, что я представляю, каким было её детство. Мне жаль её, и едва ли это правильно.

– На это нужно время, надеюсь, ты понимаешь.

– Да, – отвечает Лилиан. Она достаёт из сумки визитку и протягивает мне. – Это мой номер, там есть адрес магазина. Если вдруг захочешь купить цветы моей матери...

Она не договаривает, но я прекрасно понимаю, почему. Следует отметить, что не только я ничего не знаю о ней. Ей тоже неизвестно о моей жизни.

– Едва ли, – отвечаю я. – Шерил с нами не живёт.

– Совру, если скажу, что удивлена, – Лилиан улыбается шире обычного, и я гадаю о причинах такой улыбки. – Просто позвони, когда захочешь узнать обо мне что-то. Что угодно, что повлияет на твоё мнение обо мне.

– Спасибо, что понимаешь, – говорю я и знаю, что это искренняя благодарность.

Лилиан достаёт из сумки деньги, но я её останавливаю.

– Не стоит платить за кофе. Это лишнее.

– Я привыкла со всем справляться сама. Даже если это просто чашка кофе, – отвечает она, кладёт деньги на стол и встаёт.

Меньше чем через минуту она выходит из кафе. А я остаюсь за столиком в раздумьях о том, что именно принесла мне эта встреча. Лилиан совсем не такая, какой я себе её представлял. Но всё это может оказаться обманом, игрой. Я напоминаю себе, что её мать – Шерил, а значит, эта девушка знает о притворстве всё. Но разве это также не значит, что она знает всё и о боли?

Когда я возвращаюсь домой, Эйвери уже пообедала, а Мэдлин домывает последнюю тарелку. У меня нет сил ругаться с сестрой, хотя я всё ещё злюсь на неё из-за номера телефона.

Я закрываю дверь в кухню, чтобы Эйвери не слышала разговора.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спрашивает сестра и садится за стол.

– Да, – только и отвечаю я и сажусь рядом. – И я больше не знаю, что мне делать.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

Ивлин проводит горячей ладонью по моему животу, а я лишь пытаюсь выровнять дыхание.

– О, детка, – произносит Ивлин и вытирает пот со лба, – должно быть, ты чем-то особенно расстроена сегодня.

– С чего бы? – отвечаю я и встаю, чтобы одеться. Парень понимающе хмыкает.

– Когда тебе хочется забыться, секс перерастает в настоящее безумие. Мне стоит поблагодарить того, кто так сильно вывел тебя, – объясняет Ивлин. Он тоже встаёт с постели и надевает свои чёрные боксёры.

– Мне всегда хочется забыться, – бросаю я в ответ и завязываю волосы в хвост.

– Потому-то мы и спим вместе, – смеётся парень. – Мне остаться?

– Глупый вопрос, – я пожимаю плечами. Ивлин не удивляется и не обижается, в этом и плюс наших с ним странных отношений.

– Ещё бы, – отвечает он, надевая джинсы. – Звони, как станет грустно.

Он привычно целует меня в щеку на прощание, но для нас обоих этот жест ничего не значит. По крайней мере, значит совсем не то, что для большинства пар. И едва ли нас вообще можно назвать парой. Просто два человека, встретившиеся однажды в колледже, и пытающиеся найти утешение друг в друге.

Весь первый год наших так называемых отношений был довольно весёлым. Ивлин выпивал пару стопок текилы или довольствовался ромом, а потом начинал вытворять всякие глупости. Однажды он залез на крышу общежития, в котором я жила, и во всё горло пел «Die Young»¹, хотя со слухом у него всегда были явные проблемы. Пара человек подумали, что он собирается прыгать и вызвали службу спасения. Ивлин отделался штрафом и запретом посещать моё общежитие, хотя этот запрет он всегда потом успешно игнорировал.

Я запираю дверь за Ивлином и иду в душ. Боль не стирается сексом, но так я по крайней мере чувствую себя не одинокой какой-то период времени.

Встреча с Этаном Хантом привела меня в замешательство. Понимаю, что ему действительно нужно время, чтобы присмотреться ко мне, но у меня этого времени нет. Я схожу с ума от мысли о сестре.

Всё, чего я когда-либо хотела, это найти родного человека, а теперь всё летит в пропасть. Но никто не обещал, что будет просто.

Вода стекает по моему телу, и мне хочется заплакать, но я сдерживаюсь. Всё будет хорошо, пусть это и звучит банально. Я сделала свой шаг, теперь очередь Этана, хотя вряд ли ему это нужно.

Выхожу из душа и долго смотрю на своё отражение в зеркале, пока не замерзаю. Мне хочется убедиться, что я действительно выросла красавицей, как сказала Шерил, что я могу свести кого-то с ума, что я что-то значу в этом мире. Странно, как может повлиять на всю жизнь одна лишь встреча. Хотя едва ли до этой встречи я была счастливее.

Моя приёмная мама Джулианна часто утверждала, что меня ждёт сказочная жизнь, полная любви и радости, но как можно верить тому, кто оставил меня совсем одну на этой планете. Я не должна на неё злиться, ведь она подарила мне четыре самых счастливых года за всю жизнь, но кого же мне винить в том, что дальше всё пошло кувырком?

¹ «Die Young» – «Умрём молодыми» – сингл американской певицы Кеши.

Впервые время тянется мучительно медленно. Отвлечься мне помогает только работа. Сколько себя помню, я всегда любила цветы.

Джулианна взрастила во мне то самое семя, которое сейчас даёт свои плоды. Вместе мы занимались садом у дома, вместе ездили в оранжереи и на выставки. Жаль, теперь она не видит, какой я стала. Она называла меня цветочком и нежно целовала перед сном. Пожалуй, это самое главное, что я хочу помнить из своей жизни.

Три дня я не получаю от Этана никаких вестей и отчаянно борюсь с желанием снова ему позвонить. Но всякий раз напоминаю себе, что ему нужно время, чтобы действительно быть готовым пойти мне навстречу.

На работе я погружаюсь в мир прекрасных ароматов и нежных красок. Составляю свадебный букет из ирисов и белоснежных пионов. В ином случае я бы обязательно добавила бутон лилии, но у невесты на них аллергия.

Как странно, что эти невероятной красоты цветы могут мешать комфорту многих людей. Должно быть, Джулианна была права на мой счёт. Белые лепестки и правда великолепны, но от аромата болит голова и чешется тело.

– У вас есть георгины? – слышу я голос в торговом зале и, оставляя свадебный букет, выхожу из подсобки.

Ожидаю увидеть кого угодно, только не Этана Ханта. Я ведь только перестала о нём думать!

– Рада тебя видеть, – произношу я и натянуто улыбаюсь. Эта улыбка даётся мне с трудом.

– Ты говорила заходить, если захочу купить букет, – просто отвечает мужчина.

Среди обилия цветов Этан выглядит ещё более симпатичным, хотя его нельзя назвать совершенным красавцем. Он довольно высок, хорошо сложен. Каштановые волосы чуть длиннее волос моего брата, самого привлекательного мужчины, которого я знаю.

Этан слегка дрожит, но старается не выдавать этого. На улице мороз, но его пальто не такое уж и тёплое на первый взгляд.

– Моя мать всё-таки объявилась? – как можно равнодушнее интересуюсь я. Стараюсь быть дружелюбной, но разговоры о Шерил всегда неприятны.

– Нет, я же говорил, она с нами не живёт, – отвечает Этан и проводит рукой по волосам. Он волнуется. – Это для моей матери, у неё недавно был день рождения. Мы повздорили, подумываю извиниться.

– Она любит георгины? – с интересом спрашиваю я.

– Да, если можно, девять штук. И оберни как-нибудь покрасивее, – заметно, что Этан тоже делает над собой усилие и старается быть вежливым.

– Что ж, – говорю я и принимаюсь составлять букет, – на языке цветов георгины означают «каприз».

Мужчина смеётся. Этот смех кажется мне добрым и заразительным. Я улыбаюсь в ответ. Может, он и вправду хороший человек?

– Это точно в духе моей матери. Так цветы – это то, чем ты мечтала заниматься всю жизнь? Или это только временное занятие? – Этан резко переводит тему, видимо, она ему неприятна.

– Да, пожалуй, это то, чего я всегда хотела. Цветы любят заботу, и я могу им это дать, – отвечаю я, отрезая кусочек ленты.

– Разве больше никто не заслуживает твоей заботы, кроме цветов? – интересуется мужчина.

Он старается вести себя непринуждённо, но это слишком заметно. Он достаёт из кармана бумажник и отсчитывает деньги.

– Заслуживает, но ты не разрешаешь мне её даже увидеть, – смело говорю я и протягиваю Этану букет. – Не нужно денег, брось, это подарок.

– Я привык со всем справляться сам. Даже если это просто цветы, – отвечает Этан с улыбкой. Он передразнивает меня, напоминая, как я заплатила за кофе, хоть он и возражал.

– Один – один, – подытоживаю я.

Этан благодарит меня и уже собирается уйти, но вдруг останавливается перед дверью.

Он оборачивается и молча смотрит на меня. В его тёмных глазах я вижу свет, это так странно.

– Шерил никогда не рассказывала о тебе. Почему? – задаёт мужчина вопрос, на который у меня нет ответа. – Да, я знаю, что она не совсем типичная мать, но ты её дочь. Такая взрослая и самостоятельная. И за все годы брака она ни разу о тебе не упомянула, ни намёка просто на твоё существование.

– Думаешь, я вру? – спрашиваю и чувствую, что меня переполняет волнение.

– Не знаю, что думать. Ты милая девушка, – Этан замолкает на пару секунд, подыскивая правильные слова. – Но всё это так странно. Как я могу верить в то, что всё это правда? Что это не очередная выдумка Шерил, чтобы просто забрать Эйвери? Что это не игра, и моей дочери ничего не угрожает? Я никому её не отдам, и тебе нужно с этим смириться.

– Хочешь, чтобы я сделала тест ДНК? – с вызовом спрашиваю я. Злость, невероятная злость закипает внутри.

– Хочу, чтобы ты больше не искала с ней встречи. По той простой причине, что я могу тебе в этом отказать.

– Правда? – уже тише говорю я. – Мне так не кажется.

– Но решать мне, – отвечает Этан. Он открывает дверь и прежде, чем выйти, добавляет. – Мне жаль.

Когда дверь за ним закрывается, я ещё долго стою без движения, пытаюсь осознать произошедшее. Зачем он это сделал? Зачем шутил и был так вежлив? Он ведёт какую-то игру, и она мне не нравится.

Разве честно играть на моих чувствах, давать надежду, а после разбивать её об этот холодный пол?

Я борюсь с неистовым желанием заплакать или догнать Этана, чтобы вlepить ему пощёчину. Мне хочется сделать ему в тысячу раз больше, если уж он постарался сделать всё для того, чтобы я страдала.

Спустя двадцать минут бессмысленных размышлений и попыток взять себя в руки, я набираю номер Ивлина. Он поднимает трубку почти моментально.

– Что-то ты зачастила, Лилиан, – смеётся он, даже не удосужившись поздороваться. – Мне приехать?

– Да, и захвати вина, – отвечаю я и сбрасываю звонок.

Дорога до дома занимает у меня десять минут. Я специально искала место недалеко от квартиры. Чувствую себя некомфортно, если не могу оказаться в своей скорлупе в случае чего.

Ивлин приезжает ещё через десять минут, и я рада, что не пришлось долго ждать. Моя голова лопается от мыслей, а сердце от тревоги и разочарования.

– Кто так сильно тебя достал, детка? – спрашивает Ивлин с порога. Он проходит на кухню и ставит бутылку вина на стол.

– Может, откроешь сразу? – спрашиваю я. Парень весело хмыкает.

– То есть, ты даже не хочешь поговорить? – спрашивает он, откупоривая бутылку.

Я смотрю, как он достаёт из шкафчиков два бокала, наполняет их вином и вставляет пробку в бутылку. Нельзя сказать, что он здесь хозяин, но, где находятся бокалы и кровать, он знает наизусть.

На самом деле Ивлин Конли – хороший парень. Наверное. Мне сложно судить. Мы плохо друг друга знаем, но он всегда приезжает, когда я звоню, а это уже огромный плюс. Мне просто

нужно заполнять дыру в сердце, и я использую единственный доступный и безопасный способ – секс.

– Не поделишься со мной? – спрашивает Ивлин, протягивая мне бокал.

Делаю глоток, сразу же второй, а потом выпиваю всё до дна.

– Ты не хочешь этого знать, – отвечаю я и подхожу к нему ближе. Он тоже делает глоток вина и отставляет бокал в сторону.

– Очевидно, что не хочу, но может, тебе нужно с кем-то поделиться, – шепчет мне на ухо Ивлин, и я покрываюсь мурашками.

– Давай ты просто заткнёшься, – отвечаю я и целую его.

Бокал вина натошак быстро даёт о себе знать. Голова начинает слегка кружиться, но мне этого мало. Я хочу, чтобы в ней не осталось вообще никаких мыслей.

Наш поцелуй страстный, но едва ли он наполнен тёплыми чувствами. Нам обоим это ни к чему. От парня пахнет табаком, дорогим парфюмом и алкоголем. Этого ему зачастую хватает, чтобы соблазнить меня. Хотя я и не сильно-то сопротивляюсь.

Ивлин прижимает меня к кухонному столу и стягивает с меня свитер. Мне жарко от вина и поцелуев, но горю я не от этого.

Мысли снова путаются, возвращаются к сегодняшнему разговору, и я расстёгиваю брюки Ивлины. Он больно кусает меня за шею, но я, кажется, ничего не чувствую.

Нужно было выпить больше.

Ивлин нагибает меня над столом, и я упираюсь щекой в холодную каменную столешницу. Хочу забыть обо всём, просто хочу забыть обо всём, просто забыть...

Бокал падает со стола и разбивается вдребезги, вино разливается по полу. Ивлин громко рычит и прижимается ко мне всем телом, словно падает на меня.

– Ты как всегда, – произносит он, тяжело дыша, – прелестна.

– Спасибо, Ивлин, – отвечаю я сбивчиво, поднимаясь со стола. – Из твоих уст это звучит особенно грязно.

Парень смеётся.

– Ты никогда не изменишься, – говорит он и застёгивает брюки. – Я останусь?

– Ты уже знаешь ответ, – пожимаю я плечами и поднимаю с пола свитер. Он тоже залит вином. Чёрт!

– Люблю твоё постоянство, – произносит Ивлин и надевает пальто. Оно идёт ему, как и всё, что он носит. У этого парня, действительно, есть вкус. И деньги. – Увидимся, Лилиан.

Ивлин выходит из квартиры и хлопает дверью. Поворачиваю ключ в замке и собираюсь пойти в душ, как обычно, но внезапно чувствую, как глаза застилают слёзы. Я обещала себе не плакать, ненавижу себя.

Сажусь на пол прямо у двери и плачу, словно эти слёзы помогут мне не чувствовать себя так гадко. Никогда не избавлюсь от ощущения собственной беспомощности, и это меня уничтожает изнутри.

Но больше, чем себя, я ненавижу Этана Ханта и даю клятву, что он ещё за всё ответит.

ЭТАН

Январь, 2018 год

Забавный факт из области математики: самое маленькое число, открытое на сегодняшний день, даже не имеет названия. Разве это не странно в нашем мире, где всё имеет свои имена? Всё ли?

Как можно объяснить сложившуюся ситуацию? Каким словом передать то, что творится в моей душе? Страх? Смятение? Неопределённость? Едва ли. Я словно то самое наименьшее число, которое не имеет никакой ценности в этом мире.

Не знаю, зачем я сделал это – пошёл к Лилиан, был любезен, а потом вдруг разрушил все её надежды. Хотелось быть с ней милым и вежливым, но сомнения не позволили мне принять ни одной её попытки понравиться мне.

Я сижу на кухне в доме матери и смотрю, как она ставит цветы в вазу. На лице мамы улыбка, знаю, что давно не дарил ей ничего.

– Как дела у тебя дома? – спрашивает она и ставит вазу с цветами на стол. – Хочешь чая?

– Нет, спасибо, – отвечаю я с лёгкой улыбкой. – Просто присядь. Дома всё в порядке.

– Прости, что я всегда так злюсь на тебя, – неожиданно произносит мама. Вижу, что она волнуется. – Но я никак не могу понять, что заставило тебя жениться на этой, – мама запинается и подбирает слово, я её в этом не виню, – женщине.

– Шерил – не самое лучшее в моей жизни. В отличии от Эйвери, – вижу, как мама тяжело вздыхает. – Ради Бога, прими её уже, мама. Она ни в чём не виновата!

– Я знаю, Этан, – отвечает мама тихо. – Она чудесный ребёнок, но разве она не вырастет такой же, как её мать?

– Не вырастет, – отрезаю я. Мне очень хочется в это верить. – Я этого не позволю.

– Что ж, – подытоживает мама. – Это моя вина. Я воспитала тебя таким. Этой девочке очень повезло. Возможно, родной человек необязательно должен иметь те же гены.

Некоторое время мы молчим. Я пытаюсь осознать услышанные слова и гадаю, стоит ли советоваться с матерью сегодня, когда-либо вообще.

Но, с другой стороны, у кого мне ещё искать поддержки? Сестра, как сумасшедшая, только и повторяет, что мне следует пойти навстречу Лилиан, что это пойдёт всем на пользу, а я не хочу в это верить.

– Недавно я познакомился с девушкой, она – старшая дочь Шерил, – начинаю я осторожно. Мама лишь хмыкает.

– Ещё один брошенный ребёнок? – саркастично спрашивает она. – Тебе мало одной дочери?

– Она уже взрослая, мама, – поясняю я. – Ей двадцать четыре, у неё своя жизнь, и с матерью она не общается.

– И в чём же тогда дело?

– Она ищет встречи с Эйвери, – произношу я и чувствую, как закипает злость. – Не знаю, как поступить.

– Этан, – размеренно отвечает мама. Она переминает пальцы. – Разве все вы не получите от этого только выгоду?

С непониманием смотрю на маму. Что она имеет в виду? И можно ли верить её словам? Чёрт, Этан, ты стал сомневаться уже во всех. Так нельзя.

– Общение с родной сестрой пойдёт девочке на пользу, – поясняет мама. – И тебе больше не нужно будет уходить пораньше с работы, просить соседку забрать дочь из школы. Тебе будет

легче. Ведь мужчине, какой бы он ни был, тяжело даётся растить ребёнка одному. И даже не спорь!

– Ты могла бы забирать её, – лишь отвечаю я. Лучшая защита – это нападение. Мне хочется переубедить всех, что они ошибаются. Но, возможно, это я не прав?

– Не начинай этот разговор, – отрезает мама. – Может, лучше поужинаем?

– Мне уже пора, – отказываюсь я. Обстановка начинает на меня давить. – Эйвери ждёт у соседки.

Я возвращаюсь домой в разбитом состоянии. С кем бы я ни говорил, все убеждают меня сделать то, чему противится всё моё нутро.

Свет в окне Руби горит, и я могу со стороны наблюдать, как Эйвери сидит в гостиной за столом и выполняет домашнее задание. Она сосредоточена и внимательна, словно ей давно уже не шесть.

Руби открывает почти сразу после звонка в дверь. Она улыбается и приглашает войти, но я отказываюсь. Руби – хорошая девушка. Я благодарен ей за то, что она так часто помогает мне с Эйвери.

Мы познакомились около восьми лет назад, когда я только переехал в эту квартиру. Начался дождь и Руби брела к дому обречённо-мокрая и грустная. Я догнал её и предложил поделиться зонтом. Мы разговорились, и уже через пару дней занимались сексом прямо на полу в моей квартире после неудачной попытки распаковать вещи.

А потом всё как-то сошло на нет. Она нашла ужасного парня, а через пару месяцев ревела мне в плечо, когда он её бросил. Так мы и подружились, и больше не предпринимали попыток спать друг с другом или строить какие-то отношения.

– Прости, что задержался, – начинаю я, но Руби меня перебивает.

– Прекрати, Этан. – Она кричит Эйвери, чтобы та собиралась. – Ты ведь знаешь, как я люблю твою дочь.

Эйвери выходит с рюкзаком и обнимает меня. Я целую её в макушку, и девочка улыбается. Мне приятно, что она не злится.

– Ещё раз спасибо, – говорю я Руби, и она закрывает дверь.

Я беру Эйвери за руку, и мы спускаемся по ступенькам вниз.

Дом Руби довольно большой, чего нельзя сказать о нашей квартире, но я склонен верить, что это не самое главное. В конце концов, главное – уют и спокойствие, хотя и этого в нашей семье не очень много.

– Как дела в школе? – спрашиваю я у Эйвери. Девочка снова улыбается.

– Мисс Саммерс рассказывала нам о цветах. Ты знал, что они питаются солнечным светом и водой? Если чего-то не хватает, цветы погибают. Правда, это необычно? – спрашивает она, я натянуто улыбаюсь.

– Действительно, интересно.

Этот разговор напоминает мне о Лилиан, и я стараюсь отогнать эти мысли. Но как долго получится игнорировать факт её существования?

Мы переходим дорогу и поднимаемся в квартиру, но, когда я хочу открыть дверь, то замечаю, что она не заперта. Не припомню, чтобы я хоть раз забывал закрыть её.

Я осторожно захожу в квартиру и вижу, что в комнатах горит свет.

– У нас гости? – спрашивает Эйвери удивлённо. – Тётя Мэдлин снова приехала?

Я молюсь, чтобы это было так, но понимаю, что это утопия. Из кухни выходит женщина и останавливается на пороге комнаты.

– Мама? – спрашивает Эйвери, и её голос дрожит. Она делает шаг вперёд и сразу же останавливается.

Знаю, что она невероятно скучала по матери, но этот страх мне тоже понятен.

– Привет, родная, – с улыбкой произносит Шерил. – Скучала по мне?

Она подходит ближе к дочери и приседает. Эйвери едва заметно улыбается.

– Да, – только и отвечает она.

– О, ты такая милая, – улыбается Шерил и проводит рукой по щеке дочери. Я не верю ни единому слову. – Так выросла. Ты уже ходишь в школу, правда?

– Правда, – говорит Эйвери и не без труда разрешает Шерил себя поцеловать.

– Я купила тебе подарок, – произносит жена и указывает на диван. Там лежит такая большая кукла, о которой может только мечтать любая девочка.

– Вау, – шепчет Эйвери и подходит к дивану. Она проводит рукой по волосам куклы и поднимает на меня глаза. Она уже почти не играет в куклы, но эта игрушка особенная. Это подарок вечно потерянной матери.

– Всё в порядке, милая. Конечно, возьми её. Правда, очень красивая? – спрашиваю я, и дочь утвердительно кивает. – Отнеси её в комнату, а мы с мамой пока поговорим.

Она берёт куклу и уходит в детскую. Я знаю, что Эйвери чувствует неловкость, но ей, безусловно, приятно видеть мать. Какой бы она ни была.

– Как ты могла явиться сюда без предупреждения? – спрашиваю я у Шерил, когда дочь закрывает дверь в свою комнату.

– Здесь моя семья, – только и отвечает Шерил.

Она садится на диван и закидывает ногу на ногу. В каждом её движении столько наигранности. Да, они с Лилиан совершенно непохожи.

– Вряд ли, – отвечаю я, всё ещё оставаясь на месте. Не хочу подходить к ней ближе, никогда. – Почему ты не рассказала, что у тебя есть дочь?

– Ах, ты про Лилиан, – отвечает она так, словно ей нет никакого до этого дела. Словно? Да так и есть. – Мы не виделись пятнадцать лет. Не о ком было рассказывать.

– Ты и её бросила, не так ли? – с вызовом спрашиваю я. Шерил хмыкает.

– Её забрала социальная служба. Нам обоим пошло это на пользу, пожалуй.

– Оставлять дочерей без матери тебе, видимо, особенно нравится, – произношу я. – Лилиан совсем не такая, как ты, и в этом заслуга твоего неучастия.

– К сожалению, да. Она выросла скучной, – надменно произносит Шерил. Она встаёт и подходит ближе ко мне.

– К счастью, – поправляю я её.

Шерил проводит пальцами по моей щеке, но я перехватываю её руку. Она смеётся.

– Что с тобой, Этан? – спрашивает она и специально облизывает губы, пытаясь меня завлечь. Этот жест снова возвращает меня в мыслях к Лилиан. Она делала это совсем не так. Может, я, действительно, рано сделал выводы? – Давай развлечёмся.

– У меня другое предложение, – с улыбкой произношу я, смотря в тёмно-коричневые глаза жены, а потом наклоняюсь и шепчу ей на ухо. – Давай разведёмся.

Шерил перестаёт улыбаться и выдёргивает свою руку из моей.

– Обязательно, Этан, – отвечает она нервно. – Я заберу дочь, и мы уедем.

– Сомневаюсь.

– Мама, – кричит Эйвери из детской. Она останавливается в дверях с книгой в руках. – Почитаешь мне?

– В другой раз, дорогая, – резко отвечает Шерил. Она берёт с дивана сумочку, на ходу надевает шубу и идёт к двери. – Мы ещё вернёмся к этому разговору.

Она выходит из квартиры и громко хлопает дверью.

Эйвери молчит, но я вижу в её глазах слёзы. Мне сложно придумать оправдания такому поведению её матери, но дочери они и не нужны.

Девочка возвращается в комнату, и я слышу, как она начинает плакать. Эти слёзы разрывают моё сердце на части. Не могу выносить ни секунды, мирясь с мыслью, что моя дочь несчастна.

Захожу в детскую и обнаруживаю её на полу. Она сидит, обняв колени, и плачет. Рядом лежит книга, несколько страниц вырвано. Я собираю листы в одну стопку и сажусь рядом с дочерью.

– Тебе обидно? – спрашиваю я, девочка лишь всхлипывает. – У мамы дела, ты же знаешь, что она много работает.

Ложь, Шерил не работала ни дня, сколько я её знал.

– Она хотя бы чуть-чуть любит меня? – сквозь слёзы спрашивает Эйвери. Я приобнимаю дочь одной рукой и прижимаю к себе.

– Конечно, она очень любит тебя.

Ещё одна ложь. Шерил не любит никого, кроме себя.

– Мы когда-нибудь будем вместе? – голос Эйвери звучит жалобно. Я вытираю слёзы с её лица и целую в макушку.

– Не знаю, родная.

И это первая правда за сегодня.

Я укладываю дочь в постель и укрываю её одеялом. Эйвери говорит, что уснёт сама и не нужно с ней сидеть, а я не спорю.

Выхожу из комнаты, закрыв за собой дверь, и чувствую, как сильно бьётся еле живое сердце. Как могла Шерил так поступить? Неужели ей совсем не жалко этого ребёнка, который только и делает, что ждёт её?

Я долго смотрю на вырванные страницы из книги, испытывая желание склеить их. Словно таким образом получится склеить всё остальное. Ничего подобного. Едва ли наша жизнь теперь подлежит восстановлению.

Вдруг снова вспоминаю о Лилиан и понимаю, что ни за что на свете не разрешу ей увидеть Эйвери, хотя ещё полчаса назад был готов ей позвонить.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

Я сижу на полу и пытаюсь построить из кубиков высокую башню. Не получается поставить друг на друга больше пяти кубиков и это злит.

Мне четыре, и, кроме этих самых кубиков и пары потрёпанных мягких игрушек, у меня нет ничего. Когда я начинаю просить маму купить мне куклу, она злится, а меня это пугает. Поэтому я больше не прошу.

Сверху раздаётся громкий раздражающий крик, и у меня начинает болеть голова. Трудно понять, что происходит.

– Ради всего Святого, замолчи, наконец, – раздаётся крик мамы, но тот звук так и не прекращается.

Я медленно поднимаюсь вверх и заглядываю в мамину спальню. Её здесь нет, но на кровати я замечаю какой-то свёрток. Оттуда и идёт этот страшный крик. Что это? Мне страшно, и голова сейчас словно лопнет.

Я подхожу ближе, осматриваясь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии мамы, и пытаюсь рассмотреть свёрток. Это всего лишь ребёнок. Я уже видела таких на детских площадках, когда гуляла с бабушкой.

От мысли о бабушке мне становится грустно. Уже несколько месяцев она не приходит, а мама сказала, что бабушка не придёт больше никогда, и что нужно о ней забыть. Это трудно.

Я сажусь на край кровати и хочу взять ребёнка на руки, но тут слышу голос матери.

– Разве я тебе не говорила, что нельзя сюда заходить? Оставь её в покое, иначе она никогда не замолчит! – кричит мама и я вся сжимаюсь от страха.

– Она такая красивая, – раздаётся мой шёпот, мать на пару секунд улыбается. – Может, она голодная?

– Ладно, – отвечает мать и подходит ближе. Она берёт ребёнка на руки и смотрит на меня. – Я её покормлю, а ты спускайся вниз и не пытайся больше брать её на руки. Она тяжёлая и ты можешь её уронить. Хорошо?

Я лишь утвердительно киваю, а когда уже почти выхожу из комнаты, останавливаюсь.

– А как её зовут?

– Глория, – только и отвечает моя мать.

Я выхожу из комнаты, хочу спуститься вниз, но спотыкаюсь на лестнице и качусь вниз. Но прежде, чем коснуться всем телом последней ступеньки, просыпаюсь.

– Боже, – шепчу я, садясь в постели.

Этот сон так похож на то, что я помню о своём детстве, что мне становится не по себе.

Годами меня убеждали, что я придумала себе сестру, что её не существовало на самом деле. Но верить в то, что я просто сошла с ума, не хотелось. Да, мне было всего четыре, но как можно придумать такое?

Я встаю с постели и иду в душ. Сегодня воскресенье и мой брат, наконец-то, согласился позавтракать со мной. Такой шанс нельзя упускать.

Джейсон слишком много работает и одно совместное утро не повредит нам обоим. Последние годы мне было страшно потерять брата, ведь, кроме него, терять было больше некого.

Надеваю обычные джинсы и толстовку, радуясь, что на встречу с братом не нужно наряжаться. Можно быть собой и не бояться не понравиться.

Закусочная всего в квартале от моего дома, и я иду, как всегда, пешком. На улице довольно холодно, но мне нравится, как мороз щиплет щёки. Такое банальное напоминание, что в этом мире ещё остались чувства.

Машина Джейсона стоит у закуской, и я думаю, что опоздала, но, когда вижу, как брат снимает пальто, успокаиваюсь. Он только что пришёл.

– Ты, как всегда, пунктуальна, – улыбается брат, когда видит меня.

Я сажусь за столик и даже не смотрю в меню. Завтрак интересует меня меньше всего сейчас. Но Джейсон тут же бросается выбирать блюдо. Он привык торопиться и не терять ни секунды времени. Таким сделала его жизнь, винить некого.

– Ты не будешь есть? – спрашивает он, замечая, что я ничего не выбираю.

– На твой вкус, – улыбаюсь я в ответ.

Джейсон заказывает кофе и две яичницы, с беконом и без, мне на самом деле всё равно. Больше всего мне хочется рассказать брату о своём сне. Но после моего рассказа Джейсон лишь грустно улыбается.

– Снова не веришь мне? – спрашиваю я с обидой. Парень пожимает плечами.

– Мне кажется, на тебя повлияли последние события, только и всего, – отвечает он, но с этим трудно согласиться.

– Её зовут Глория. Столько лет я пыталась вспомнить, и вот сегодня... Глория. Разве не прекрасное имя?

– Лилиан, – только и произносит Джейсон. Он молчит и подбирает слова. Не хочет меня обидеть, но и не верит. Знаю. – Это всего лишь сон. Как можно верить в такое?

– Я знаю, что она была. Понимаешь, она была. Больше не могу отрицать этот факт. Я просто знаю! – быстро произношу я и не замечаю, как впиваюсь ногтями в сумочку.

Официантка ставит на стол две чашки кофе, и я немного прихожу в себя. Этот запах сразу успокаивает меня. Я делаю несколько глотков прежде, чем продолжить. Джейсон всё это время молчит.

– Прекрати считать меня сумасшедшей, – прошу я брата. – Просто помоги мне найти её.

– Хорошо, – соглашается Джейсон, даже не притронувшись к кофе. Он напряжён, знаю, что переживает за меня. Чувствую свою вину. – Допустим, это правда. Она твоя сестра, её зовут Глория. Ей около двадцати. Но как ты хочешь найти её? Велика вероятность того, что её забрали в приёмную семью, как и тебя, дали ей другую фамилию, а может, и имя изменили. Это тайна, и мы никогда не сможем её найти.

– А вдруг её не удочерили? Вдруг не меняли фамилию? Сколько девушек по имени Глория Бэйли может проживать в Линкольне?

– Думаю, немного, – отвечает брат.

Нам, наконец-то, приносят яичницу, но я не притрагиваюсь к ней. Джейсон же, наоборот, сразу принимается есть и, кажется, больше не хочет говорить о несуществующей, по его мнению, девушке.

Полностью в его духе: пытаться переубедить меня в том, во что он сам не верит. Хотя, несмотря ни на что, брат всегда поддерживал меня, в любой ситуации. В любой, кроме этой.

– Что же мне делать? – с отчаянием спрашиваю я. Это чувство переполняет меня до краёв. И ничего в этом хорошего нет. – Я так не могу. Не могу делать вид, что у меня никого нет, когда в этом городе живут две мои сестры.

– Может, тебе сначала разобраться с Эйвери? – предлагает Джейсон, отрываясь от еды. Он откладывает вилку в сторону и вытирает рот салфеткой. – Ты знаешь о ней намного больше.

– Хант ни за что не позволит мне её увидеть. Не знаю, что нужно сделать, чтобы он поменял своё мнение.

– Не дави на него, – советует брат. – Ему нужно время и уверенность. В конце концов, девочка ещё маленькая. Как ты думаешь, не навредит ли ей встреча с тобой? Как ты объяснишь, что вы сёстры? Почему никогда не виделись? Почему у вас разные отцы?

– Перестань задавать так много вопросов, – я понимаю, что злюсь.

– Ты к ним не готова, а значит, не готова и к встрече, – констатирует Джейсон, пожимая плечами, и снова принимается за еду. Я лишь делаю очередной глоток кофе. – Она задаст тебе в пять раз больше вопросов. И ты не будешь знать, что отвечать. Так зачем ты чего-то требуешь?

– И что же, по твоему мнению, делать? – с вызовом спрашиваю я. Никогда так не злилась на брата, как сейчас.

– Думаю, время нужно не только Ханту, но и тебе, – произносит брат, и я понимаю, что он, к сожалению, прав.

Остаток завтрака мы проводим за разговорами о работе Джейсона, потому что мне больше нечего сказать об этой ситуации. Брат рассказывает о своих новых обязанностях, о предстоящей командировке в Нью-Йорк, и я стараюсь думать только о его словах.

Когда мы выходим на улицу, на часах уже около двенадцати. Несмотря на все споры, я рада встрече с братом и мне становится немного легче от мысли, что у меня всё ещё есть кто-то родной.

На улице словно ещё больше похолодало и пошёл снег. Крупные хлопья падают на волосы и мне становится неуютно.

– Тебе нужно носить шапку, – говорит брат и смахивает снег с моих волос. – Ты простудишься.

– Тут недалеко, – только и отвечаю я.

Джейсон достаёт из кармана ключи от машины и долго сомневается прежде, чем предложить то, что хочет. Я вижу это по его лицу.

– Может, подвезти тебя?

– Спасибо, но я лучше прогуляюсь, – уклончиво отвечаю я, но брат отрицательно качает головой.

– Ты не сможешь избегать автомобилей вечно, – грустно произносит Джейсон. Я вздрагиваю.

– Уже много лет мне это успешно удаётся.

– Давай я тебя провожу? – предлагает брат.

– Я сама. Нужно подумать.

Джейсон соглашается. Он обнимает меня на прощание и уходит. Я смотрю, как он садится в машину, выезжает с парковки и скрывается из виду. Меня трясёт. Никогда не избавлюсь от этого страха. Порой воспоминания не стираются ни временем, ни слезами.

Я захожу в квартиру и дрожу не то от холода, не то от бессилия. Волосы мокрые от снега, но это не волнует меня совершенно.

В квартире тихо, как и всегда. Пахнет отчаянием и одиночеством. Кроме Ивлины, здесь никого не бывает. Да и едва ли присутствие Ивлины может что-то изменить.

Дело не в том, что у меня не было шанса завести отношения и жить счастливо. Просто я никогда этого не хотела. Впустить кого-то в свою жизнь, значит, довериться ему, привыкнуть. А люди слишком часто и слишком неожиданно уходят из моей жизни. Переживать одно и то же постоянно просто не хватает сил.

Так спокойнее и безопаснее. Смогу ли я прожить таким образом всю жизнь? Пожалуй.

Но теперь, когда в моей жизни появилась Эйвери, я не хочу сидеть сложа руки. Нужно действовать, что-то предпринимать, но я понятия не имею, что. Знать, что моя сестра совсем рядом, но её нельзя увидеть, – невыносимо. Чувство, будто я разлагаюсь изнутри, просто засело во мне.

Эйвери недоступна, в существование Глории не верит даже мой брат. Что нужно делать мне? Не знаю. Но точно не сидеть здесь и не жалеть себя.

Я решительно набираю номер Шерил. Будь что будет, эта женщина совершила слишком много странных поступков за свою жизнь. Один мой звонок она выдержит.

– Да? – слышу я в трубке голос родной матери и в очередной раз отмечаю, что ничего к ней не чувствую.

– Это Лилиан, – произношу я, мать нервно смеётся.

– Соскучилась, сладкая? – спрашивает она, меня начинает подташнивать. Как можно быть такой отвратительной?

– Её звали Глория? – спрашиваю я без предисловий. Мать перестаёт смеяться и сразу же становится серьёзной.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – отвечает она резко, и тут же становится очевидно, что она всё прекрасно понимает.

– Её звали Глория? – повторяю я свой вопрос.

– Зря ты говоришь о ней в прошедшем времени. Не думаю, что она умерла, – холодно произносит Шерил. – Какое тебе дело?

– Где она? – спрашиваю я снова и замечаю, что от волнения накручиваю волосы на палец.

– Даже если бы знала, вряд ли сказала тебе. Ничего не знаю о ней и не стремлюсь, – с той же отстранённостью отвечает мне мать.

– Но со мной ты всё же увиделась, – начинаю я, но Шерил меня перебивает.

– Уже осознала, что это была большая ошибка. Не нужно названивать мне и задавать глупые вопросы о Глории или ещё о ком-то, – она чуть повышает голос, меня начинает бить дрожь. Неосознанно я возвращаюсь в прошлое, где крик был постоянной составляющей моей жизни.

– Ты невероятно отвратительна! – зря я срываюсь, зря.

– Не стоит делать из меня монстра, – мать усмехается, я слышу это в трубке. – Если б ты как следует смотрела за ней, возможно, я бы и не отдала её на удочерение.

– Ты отдала её? – вскрикиваю я. – Кому?

– Это не твоё дело, – отвечает мать и бросает трубку.

Я больше не звоню ей, ведь знаю, что это бесполезно.

Что ж, главная новость – я не сумасшедшая. У меня есть две сестры. Одну из них запрещает мне увидеть её отец, вторая живёт в чужой семье, под чужой фамилией, и мне никогда не удастся её отыскать.

Я чувствую, что задыхаюсь. С трудом дохожу до дивана и начинаю плакать. Руки тянутся к телефону, чтобы позвонить Ивлину, но я тут же передумываю. Никакой секс не избавит меня от этой пустоты.

А значит, мне нужно взять себя в руки и начать что-то делать. Через пол часа, когда слёзы высыхают, я набираю номер Этана Ханта. Прости, Этан, но я не имею права сдаваться.

ЭТАН

Январь, 2018 год

Я несколько раз стучу в дверь квартиры Лилиан и проклинаю себя за то, что вообще нахожусь здесь. Как можно было поддаться на эти глупые уговоры? Хотя едва ли это можно назвать уговорами.

Она позвонила мне, когда мы с Эйвери делали аппликацию из цветной бумаги. Дочка смеялась, когда вместо слона у нас получилось нечто, непохожее ни на что.

Телефонный звонок не сразу отвлек меня от дочери, но в конце концов, пришлось взять трубку.

– Этан, – услышал я уже такой знакомый голос, – здравствуй.

– Привет, Лилиан, – ответил я и вышел из гостиной на кухню, чтобы Эйвери не слышала этого разговора. – Зачем снова этот звонок?

– Хотела поговорить, – произнесла она уверенно, но её голос хрипел, словно она недавно плакала. Правда ли это? На секунду мне стало даже жаль её.

Но слёзы Лилиан не в счёт по сравнению со слезами Эйвери.

– Что из слов «Я никогда не разрешу тебе её увидеть» ты не поняла? – спросил я, повышая голос. Нельзя было срывать, но держать себя в руках было сложно.

– Разговор пойдёт не об Эйвери, а о моей матери. И это, действительно, важно, – настойчиво сказала она, и мне захотелось ей поверить.

– Только при одном условии – после ты оставишь меня в покое, – предложил я, и Лилиан долго сомневалась.

– Давай просто поговорим, – в конце концов предложила она.

До сих пор не понимаю, как я мог согласиться встретиться с ней, да ещё и у неё дома, а не на нейтральной территории. Но отступить поздно, потому что после моего стука Лилиан открывает дверь почти моментально. Мне требуется не меньше минуты, чтобы перестать смотреть на неё. Уверен, что со стороны я выгляжу жалко.

Чего не скажешь о Лилиан. На ней бирюзовое платье без рукавов, которое выгодно подчёркивает её фигуру, но не выглядит слишком открытым. Длина до колена и совершенно неглубокое декольте придают ей официальности, и я думаю, что она специально пытается произвести такое впечатление. Во все предыдущие встречи волосы Лилиан были завязаны в хвост, но сегодня она их распустила, я полагаю, намеренно, ведь ей чертовски идёт.

– Прекрасно выглядишь, – произношу я, понимая, что молчать так долго – неприлично.

Лилиан улыбается, и заметно, что вполне искренне. Улыбка идёт ей, делает её лицо ещё светлее.

– Проходи, – приглашает она, и я понимаю, что всё ещё стою на пороге. Как глупо.

Прохожу в квартиру и сразу же осматриваюсь, только чтобы больше не любоваться самой Лилиан. Эти мысли в моей голове мне совсем не нравятся.

Квартира Лилиан немного больше моей и обставлена со вкусом, пусть и небогато. Но на такую квартиру всё равно нужны немалые деньги, интересно, откуда они у неё?

– У тебя уютно, – произношу я, останавливаясь посреди комнаты.

Лилиан идёт на кухню и уже на ходу приглашает меня присесть. Сажусь на диван, отмечая, что он совсем новый. Либо Лилиан просто умеет следить за вещами лучше, чем я.

Да и вся квартира выглядит чистой и действительно уютной, как я и сказал. Я словно наяву вижу, как Лилиан сидит на этом диване по вечерам и читает. Как пьёт чай, сидя у подоконника. Как... Вовремя останавливаюсь.

Я не знаю об этой девушке ничего. Читает ли она вообще книги? Пьёт ли чай? Что любит и чего боится? Знаю только то, что она дочь моей жены, и что очень любит цветы. Можно ли делать о человеке какие-то выводы, располагая этой информацией? Так почему я всё решил так скоро?

Лилиан возвращается из кухни с открытой бутылкой вина и двумя бокалами. Она ставит всё это на журнальный столик и улыбается.

– Не знаю, любишь ли ты такое вино, но другого у меня нет, – произносит она и наполняет один из бокалов. Потом хочет сделать то же самое и со вторым, но я быстро останавливаю её, прикрыв бокал рукой.

– Я не пью, – возражаю ей, а она лишь непонимающе смотрит на меня.

– Ты за рулём? – спрашивает она и ставит бутылку на стол.

– Да, но отказываюсь не поэтому, – отвечаю ей и прислоняюсь к спинке дивана. – Я вообще не пью.

– Редкое качество для современного мужчины, – усмехается Лилиан, но мне не обидно. – А я, с твоего позволения, выпью.

Она берёт бокал со столика и делает несколько глотков. После облизывает губы, как уже делала это в кафе. Я снова улыбаюсь, как и тогда. Что такого в этом жесте? Когда подобное делает Шерил, меня это только раздражает.

– О чём же ты хотела поговорить? – спрашиваю я, решая перейти к сути. Нет смысла сидеть здесь вечность за бессмысленными беседами.

– О матери, тебе это известно, – говорит Лилиан и делает ещё один глоток вина. Видимо, она снова сильно волнуется.

– Что хочешь узнать? – произношу слова как можно легче, словно они не даются мне с трудом.

– За столько лет она действительно ни разу не упоминала, что Эйвери не единственный её ребёнок? – Лилиан делает очередной глоток и опустошает бокал. Мне перестаёт это нравиться. Не хватало ещё, чтобы она напилась.

– Мы женаты не так уж и много лет, – возражаю я и тут же ловлю себя на мысли, что зря сказал эти слова.

– Как минимум – шесть лет, – смеётся Лилиан. Её щёки краснеют от вина, от этого она становится лишь милее. – Разве это мало?

На самом деле мы женаты всего четыре года, из которых реально жили вместе не больше полутора лет, но Лилиан необязательно знать это. Как и то, что Эйвери на самом деле мне не родная.

– В числовом значении – не так уж и много, – уклончиво отвечаю я, переминая пальцы. Лилиан тихо посмеивается.

– Я и забыла, что ты математик.

Мне хочется спросить, откуда ей это известно, но ответ слишком очевиден. Мэдлин. Чёрт, моя сестра совсем не умеет держать язык за зубами.

– Отвечая на твой вопрос – нет, она никогда не говорила о тебе, – произношу я, избегая смотреть на Лилиан, хотя это сложно сделать. Она действительно красивая. – Мне жаль, что так.

– И мне, – едва слышно шепчет Лилиан, но я всё равно слышу. Она опускает глаза и долго рассматривает пол.

– То есть тебе было девять, когда Шерил тебя бросила? – спрашиваю я и тут же ругаю себя. Ей и так нелегко, зачем напоминать об этом вновь?

Но, к моему удивлению, Лилиан лишь улыбается. Она долго смотрит на меня, и я уже не могу избежать взгляда в её глаза. Голубые. Такие же яркие, как и это чёртово соблазнительное платье. Мне становится душно.

– Шерил не бросила меня, – наконец говорит Лилиан. – Хотя я бы предпочла, чтобы она оставила меня ещё младенцем. В девять лет меня забрала социальная служба.

– Приёмная семья? – спрашиваю я тихо, Лилиан закусывает губу. И сразу понятно, что это не способ заигрывания. Она волнуется.

– Много приёмных семей, довольно много, – поясняет Лилиан, и мне становится так жаль её.

Хочется обнять её и пожалеть, словно она маленькая девочка, хотя это уже давно не так. Несмотря ни на что, сама Лилиан старается выглядеть сильной и всем своим видом показывает, что ни одно сегодняшнее слово её не задевает. К сожалению, я знаю, что это не так.

– Старый дом моей матери давно продан, не так ли? – спрашивает она вдруг. Я поджимаю губы.

– Ещё до нашей с ней встречи. Кажется, Шерил он был совсем не по карману, – поясняю я, а потом начинаю злиться. – Ты ездила туда, чтобы найти Эйвери? Пыталась пойти против меня?

– Не говори ерунды, – нервно отвечает Лилиан и тянется к бутылке с вином, чтобы налить себе ещё. Я наклоняюсь вперёд и перехватываю её руку.

– Может, ты не будешь так много пить? – с вызовом спрашиваю я.

– Тебе-то какое дело? – Лилиан заметно нервничает и больше не пытается это скрыть.

Она резко выдёргивает свою руку из моей и брызги вина попадают на ковёр. Но она, кажется, этого не замечает.

Я тяжело вздыхаю и иду на кухню за полотенцем. Здесь всё так же красиво и чисто, за исключением нескольких коробок из-под готовой еды. Я беру со стола полотенце и возвращаюсь обратно в гостиную.

Лилиан не сдвинулась с места, но так и не налила себе вина. Она разглядывает свой маникюр, а щёки её пылают. Я опускаюсь на ковёр у её ног и пытаюсь оттереть капли вина.

– К чёрту это, Этан, – говорит она резко. – Ты пытаешься быть хорошим?

– Кажется, это ты пытаешься, но у тебя ничего не получается, – произношу я и смотрю на неё снизу вверх.

– Ты не имеешь права меня судить, – произносит Лилиан нервно. Она встаёт из кресла и пересаживается на диван.

– Тогда и ты перестань, – спокойно отвечаю я. Встаю, кладу полотенце на столик и сажусь в кресло, где ещё минуту назад сидела Лилиан.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает она жалобно. – Зачем мучаешь меня?

– Я защищаю свою дочь. Какое мне до тебя дело? – отвечаю я и чувствую, что снова злюсь.

– Она – моя сестра, – кричит Лилиан и вскакивает с места. – Пойми это, наконец! Ты не можешь спрятать её ото всех.

– Не ото всех, а только от тех, кто может причинить ей боль, – поясняю я и тоже встаю.

– Но так ты делаешь больно мне, Этан! Разве ты этого не понимаешь?

– Не вижу ни единого повода, по которому меня это должно было бы волновать, – как можно равнодушнее произношу я, хотя знаю, что это ложь.

– Ты просто невыносимый! – кричит Лилиан. Она мерит шагами комнату и потирает пальцами виски. – Пойми ты, наконец, что я не хочу обижать Эйвери. Я хочу стать частью её семьи. Неужели ей не нужен ещё один родной человек в этом мире?

– У неё есть я. Разве недостаточно? – спрашиваю я, Лилиан скидывает руки.

– Господи, ты что – такой незаменимый? Как можно быть настолько эгоистичным? Ты хочешь запереть её в клетке, но спроси себя, что она скажет через пять, десять лет, когда узнает о существовании сестры, с которой ты запретил ей видеться? Простит ли она тебя за то, что ты лишил её родного человека?

Слова Лилиан больно отзываются в моём сердце. Какой-то частью души я понимаю, что она права. Но также знаю, что поступаю правильно.

– Я расскажу ей тогда, когда она будет в состоянии сама решать. И она меня поймёт, – уверенно произношу я, хотя на самом деле почти не верю в эти слова.

– Боже, Этан, покажи мне хотя бы её фото, – вскрикивает Лилиан. – Я просто схожу с ума. Какую выгоду я могу преследовать, желая встретиться с шестилетним ребёнком? Я – не Шерил. Мне не нужны от Эйвери ни деньги, ни какие-то льготы, ничего! Я просто хочу иметь возможность видеть, как она растёт, быть частью её жизни.

Слова Лилиан почти заставляют меня согласиться, но я вовремя останавливаюсь. Нельзя вестись на эти провокации. Шерил отлично меня этому научила. Крики и слёзы ничего не значат для женщин. Это способ манипулировать, не более.

– Успокойся, Лилиан, – говорю я с вызовом и подхожу к ней ближе. – Я просил у тебя время, но ты только давишь на меня.

– Время? Я готова была дать тебе время, пока ты не пришёл в мой магазин и не разбил мне сердце, Этан, – говорит она, повышая голос в очередной раз, и я готов признать свою вину. Так всё и было. Чувствую себя подлецом. – О каком времени мы говорим?

На глазах у Лилиан выступают слёзы, но она изо всех сил старается не заплакать. Нужно отдать ей должное – она не хочет быть настолько слабой передо мной. Её голубые глаза блестят от слёз и выпитого вина, и мне кажется, что в таких глазах можно утонуть. Я усмехаюсь. Забавная защитная реакция.

– Ты могла бы просто оставить меня в покое, Лилиан, – произношу я, проклиная себя за всё, что собираюсь сказать. – Но что сделала ты? Ты вырядилась, как шлюха, пыталась спойти и соблазнить меня? Надеялась, что я просто отдам тебе Эйвери в обмен на секс?

Лилиан замирает на месте и, кажется, открывает рот в удивлении. Зачем я так сказал? Это не то, что я думаю на самом деле. Мне хочется сказать, что я идиот, а она самая прекрасная девушка, которую я только видел, но не говорю этого.

– Знаешь, что, Хант, – говорит она, и голос её дрожит. – Пошёл ты к чёрту!

Я хватаю пальто с дивана и иду к двери. Лилиан оборачивается и в её глазах я вижу невероятную злость.

– Я подам на тебя в суд и всё равно заберу Эйвери себе, раз ты не хочешь по-хорошему, – произносит она и открывает дверь.

– Ты никогда её не заберёшь! – со злостью отвечаю я.

Вдруг у двери я вижу молодого парня, скорее всего, ровесника Лилиан. Мои зрачки сужаются, а тело начинает бить дрожь.

– Так вот кто, по твоему мнению, должен воспитывать мою дочь? – выкрикиваю я.

Лилиан смотрит на парня, а на её лице появляется тень обречённости. Должно быть, она не ждала его.

– Кто угодно, только не такой неуравновешенный психопат, как ты, – бросает мне в лицо Лилиан.

– Знаешь, – начинаю я, но девушка скидывает руку, останавливая меня.

– Убирайся прочь, Этан, – только и произносит она.

Я больше ничего не отвечаю и молча выхожу из квартиры. Почему-то надеюсь, что она прогонит и этого парня, но, когда за ним закрывается дверь, я чувствую разочарование и невероятную злость.

Я надеваю пальто и выбегаю на улицу, чувствую, как холодный воздух приводит меня в себя. И только потом я замечаю на пальто белый волос Лилиан, который почему-то совсем не хочу убирать.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

Ивлин останавливается на пороге комнаты и на его лице я вижу смятение. Пожалуй, впервые он не выглядит идеальным.

– Детка, – протягивает он. – Я что-то пропустил? Ты беременна?

Я пытаюсь убедиться, что правильно расслышала. С чего он так подумал? В голове всплывают слова Этана, сказанные минуту назад. «Так вот кто, по твоему мнению, должен воспитывать мою дочь?» Ну конечно.

Мне становится не по себе от этих слов, и я всеми силами стараюсь отогнать ужасные воспоминания. Проблема в том, что они никогда меня не покидали. Есть вещи, которые можно загнать в самое отдалённое, тёмное место своего сердца, но они всё равно останутся там, время от времени о себе напоминая.

– Не говори ерунды, Ивлин, – произношу я со злостью, которая всё не утихает. Меня буквально трясёт и никак не получается успокоиться.

– Снова не задавать лишних вопросов? – с усмешкой произносит Ивлин.

Вижу, что он расслабляется и проходит в квартиру. Ивлин бросает пальто на диван, где ещё пару минут назад лежало пальто Этана.

– Зачем ты здесь, Ивлин? – с вызовом спрашиваю я. – Разве ты можешь приезжать без предварительного звонка? Ты постоянно делаешь всё, что хочешь!

– В данный момент я хочу, чтобы ты перестала истерить, но этого почему-то не происходит, – с улыбкой произносит Ивлин и наливает вино в бокал, который предназначался Этану.

– Ты не можешь приезжать каждый раз, когда тебе просто нужно переспать с кем-то, – продолжаю я.

Ивлин делает пару глотков вина и смеётся. В его смехе много фальши и самолюбования.

– То есть, я могу приезжать только тогда, когда переспать хочется тебе? – спрашивает он. Я готова ему врезать, хотя понимаю, что злюсь на себя. Мне всегда хотелось быть хорошим человеком, но, вопреки всем прогнозам Джулианны, я выросла нервной, неуверенной и распутной девушкой, пытающейся заглушить собственный страх алкоголем и случайными связями.

– У меня нет на всё это настроения, – нужно как-то выгнать Ивлину отсюда, иначе я просто взорвусь, хотя не это ли произошло пару минут назад?

– Нет настроения на секс? – Ивлин снова смеётся и осушает бокал вина. – Ты не заболела?

– Ивлин, прекрати, ради всего Святого! И уезжай, – прошу я, а парень лишь отрицательно качает головой.

Он встаёт с дивана и подходит ближе ко мне. Проводит рукой по волосам и улыбается, только уже не так надменно. От парня привычно пахнет сигаретным дымом и парфюмом. За четыре года этот запах ассоциируется у меня только с ним.

– Тебе идёт, когда ты распускаешь их, – говорит Ивлин, указывая на волосы. – И не идёт, когда ты злишься. Если не хочешь секса, мы можем просто поговорить. В конце концов, я не совсем животное.

Я начинаю смеяться, и этот смех скорее нервный, чем радостный. Ивлину это только веселит.

– Совсем другое дело, – произносит он и ведёт меня к дивану. – Садись, давай выпьем и перемоем косточки тому грубияну.

«Может, ты не будешь так много пить?» – всплывают у меня в памяти слова Этана. Какого чёрта?

– Я не хочу вина, – отрицательно качаю головой, а Ивлин прикладывает руку к моему лбу.

– Ты, кажется, и вправду заболела. Не будь такой занудной, – просит он и протягивает мне свой бокал.

Почему я должна слушать, что говорит мне Этан Хант? Он назвал меня шлюхой и обвинил в том, что я якобы хотела забрать себе сестру через постель. Не хочу думать о его словах, но это сложно, ведь они засели в голове слишком прочно. Понимаю, что мне нужно отвлечься.

Злость на Ханта не утихает, и я беру бокал из рук Ивлина и залпом выпиваю содержимое. Назло Этану. Пусть знает, что он не может мной командовать. Почему я вообще всё ещё думаю о нём?

– Такой ты мне нравишься больше, – произносит Ивлин с довольным лицом и садится на диван.

Голос Этана всё ещё звучит у меня в голове, и я не могу никак от этого избавиться. Нельзя поддаваться на все его уловки. Нельзя вообще думать о нём ни секунды.

Ставлю бокал на столик и пытаюсь понять, что мне делать дальше. К сожалению, за столько лет удалось найти только один выход. И это никак уж не делает мне чести.

Я сажусь сверху на колени Ивлина так, что мои ноги оказываются по бокам. Ивлин довольно улыбается и проводит рукой по моему бедру. Он целует меня в шею, и я чувствую, как покрываюсь мурашками.

– Знаешь, – шепчет мне Ивлин на ухо, от его почти бархатного голоса внутри всё сжимается, – ты в этом платье чертовски сексуальна. Не против, если я его оставлю?

Он задирает платье и прижимает меня к себе сильнее. Мне просто нужно выбросить всё из головы, и я целую Ивлина, одновременно снимая с него рубашку.

– Ох, детка, – привычно жарко шепчет парень, когда я целую его в шею.

Ивлин обнимает меня и резко переворачивает, оказываясь на мне. Одной рукой он сжимает мою грудь, другой – расстёгивает свои брюки.

– Ты чудесная, – шепчет мне Ивлин, а я стараюсь думать только о его движениях во мне и больше ни о чём.

Когда всё заканчивается, парень выглядит уставшим и счастливым. Я выучила эту эмоцию наизусть, ведь другим его никогда не видела.

– Почаще надевай это платье, – говорит он, застёгивая брюки.

Я закатываю глаза и встаю с дивана. Поправляю платье и чувствую, что хоть ненадолго, но мне стало легче.

– Может, пообедаешь? – спрашиваю я парня, и сама удивляюсь своему вопросу.

Ивлин смеётся в очередной раз за сегодня, и я радуюсь, что между нами всё так просто. В отличие от отношений с Этаном. Чёрт!

– Ты даже не прогонишь меня сразу после секса? – спрашивает парень и идёт за мной на кухню. – Чем же ты меня угостишь?

Он замечает на столе коробки из ресторана и качает головой.

– Всё, как я и думал, – произносит он. – Ты вообще умеешь готовить?

– Да, – просто отвечаю я и достаю из холодильника вчерашнее тако с курицей. – Но не для тебя.

– Сделаю вид, что меня это не задело.

Ивлин помогает мне всё разогреть и перенести в гостиную. Мы сидим на полу перед журнальным столиком и едим. Это кажется мне таким странным, ведь я, наверное, никогда ни с кем не обедала дома, не считая Джейсона.

– Что это за парень? – вдруг спрашивает Ивлин.

– Это сложно, – только и произношу я. Парень качает головой.

– Как и всё, что есть в твоей жизни. Он обидел тебя? Не знаю, как можно обижать тебя, когда ты в этом платье.

– Он принял мой наряд за попытку его совратить, – признаюсь я, хотя стыжусь этого.

– А всё было не так? – со смехом спрашивает Ивлин и запивает тако очередным бокалом вина.

– Даже для тебя это слишком отвратительно, – поясню я. – Скажи, я правда много пью?

Ивлин отрывается от еды и пытается понять мой вопрос, а потом расплывается в улыбке.

Я отмечаю про себя, что этот парень невероятно милый, когда не испорчен похотью и алкоголем. Но в этом и моя вина, что мы никогда даже не разговаривали вот так, сидя за столом. Просто мне всегда было страшно подпускать кого-то к себе. Тем более такого человека, как Ивлин.

– Он назвал тебя алкоголичкой? Не бери в голову, бокал вина перед ужином – это даже полезно.

– Вообще-то он назвал меня шлюхой, – признаюсь я, и мои щёки вновь вспыхивают.

– Так называют тех, кого очень хотят, но не могут заполучить, – поясняет Ивлин, и сердце начинает покалывать.

Может ли это быть правдой? Действительно ли я вызываю у Этана такие чувства? Может, его поведение небеспочвенно?

Но тут же себя останавливаю. Кого я слушаю? Это же Ивлин! У него всё сводится к постели.

– Как бы там ни было, – продолжает Ивлин, – ты всегда можешь использовать это себе на пользу.

– Что? – непонимающе произношу я, надеясь, что неправильно поняла.

– Ну, в конце концов он не устоит перед тобой.

– Ты ненормальный, Ивлин. Хватит так говорить обо мне, – сержусь я, а парень смеётся.

Он подвигается ближе и целует меня. Я не отвечаю на его поцелуй, и он проводит рукой по моей щеке.

– Ну же, Лилиан, я просто пошутил. Ты слышала что-нибудь о юморе? – говорит он и снова пытается меня поцеловать.

– Ивлин, мы ведь только что, – начинаю я, а парень не даёт мне договорить.

– Просто помолчи.

– У тебя сил-то хватит? – искренне смеюсь я впервые за несколько последних часов, а парень смеётся в ответ.

Он целует меня и валит на пол. Ивлин смотрит на меня, и на его лице играет та самая самодовольная улыбка, которая полностью раскрывает его сущность. Ликование, ощущение победы и осознание собственного великолепия. Такой уж он – мой институтский дружок.

– Вот сейчас и проверим, – произносит он.

Ивлин уходит через час, и я благодарю его за то, что перед своим уходом он убрал всю посуду. Такая любезность совсем не в его духе, но иногда на него накатывает что-то подобное.

Прохожу в спальню и ложусь на кровать. День был невыносимо долгим. Голова болит от крика и вина, но я совсем не пьяна.

Мне больно, хоть и эта боль уже не такая острая, как пару часов назад. Мне нужно было отвлечься, и я благодарна Ивлину, что он приехал даже без предупреждения. Сегодня это неважно.

Я больше не хочу позвонить Этану и накричать на него, на это просто нет сил. Ни на что, кроме как спать и, хотя бы во сне, видеть сестру, лица которой я на самом деле не знаю.

ЭТАН

Январь, 2018 год

Несколько раз в день мне хочется набрать номер Лилиан и извиниться за каждое сказанное слово. Я был к ней слишком жесток, несмотря на то, что она тоже во многом была не права. Но мне так и не хватает сил позвонить ей, и неделя после встречи проходит без каких-либо известий от Лилиан.

Мне страшно осознавать, что она действительно сделает то, о чём сказала. Подать в суд – радикальное решение. Успокаиваю себя мыслью только о том, что она сказала это в гневе. Но для размышления у неё есть всё то время, что мы не общаемся, а это довольно много.

Дни тянутся на удивление медленно. Работа не помогает мне отвлечься ни на секунду.

– Он уже чистый, – слышу я чей-то голос и пытаюсь понять услышанное. Передо мной стоит сестра.

Тут же я вспоминаю, что натираю бокал. Видимо, так увлёкся размышлениями, что совсем об этом забыл. Ставлю стакан на барную стойку и бросаю полотенце.

– Выглядишь ты неважно, – констатирует сестра, я фыркаю.

– С чего бы это? Ты виновата в моём состоянии, возможно, больше всех, – грубо отвечаю я, сестра лишь пожимает плечами.

– Только потому, что дала твой номер этой девушке? – спрашивает она спокойно.

– Ты должна была посоветоваться со мной! – мой голос звучит слишком агрессивно, но Мэдлин никак на это не реагирует.

– Мы пошли по кругу, – она лишь закатывает глаза. – Этот разговор уже состоялся неделю назад у тебя дома. И моё мнение не изменилось. Лилиан имела право на разговор с тобой.

– Почему ты защищаешь не меня, своего брата, а человека, которого совсем не знаешь?

Мэдлин нервно постукивает пальцами по столешнице. Она напряжена, но в то же время уверена в себе. В детстве она часто выгораживала меня перед мамой, а я умело этим пользовался. Однажды я ушёл из дома на всю ночь и отключил телефон, а Мэдлин была вынуждена до утра сидеть с матерью у телефона в ожидании моего звонка. Она знала, где я, но так и не выдала. Такая вот слепая преданность.

– Я как раз-таки защищаю тебя, Этан, – произносит Мэдлин и наклоняется вперёд, говоря тише, хотя вокруг никого нет. – Эйвери любит тебя, но ей этого мало. Девочке нужна мать, и раз уж Шерил наплевать, то почему бы не позволить Лилиан подарить этому ребёнку немного тепла? Женского, материнского тепла. Ты никогда об этом не задумывался?

Я осекаюсь на полуслове и ничего не отвечаю. Кажется, Мэдлин права. Возможно, в этой ситуации и правда нужна женская точка зрения. Вопрос в том, когда я смогу, наконец-то, принять её.

– Больнее ей уже не будет, – произносит Мэдлин и уходит принять заказ.

Я снова остаюсь наедине со своими мыслями. Беру в руки телефон в десятый раз за день и опять откладываю его в сторону.

Когда на часах уже почти четыре, я заканчиваю свои дела и собираюсь забрать Эйвери из школы. Она ненавидит, когда я опаздываю, не стоит её расстраивать.

Но я не успеваю даже выйти из-за барной стойки, как раздаётся телефонный звонок. Ожидаю увидеть номер Лилиан, но звонит мисс Саммерс – учительница дочери. Это зарождаёт у меня внутри чувство беспокойства.

– Да, мисс Саммерс, – быстро отвечаю я, одеваясь на ходу. – Уже еду, скоро буду. Скажите Эйвери, чтобы не волновалась.

– Мистер Хант, – произносит учительница взволнованным тоном. – Эйвери здесь нет. Ваша жена забрала её.

– Что? – вскрикиваю я, замечая, как на меня оборачиваются люди из ресторана. Плевать на всех. – Скажите, что это шутка? Как Вы могли отдать её?

– Я Вас предупреждала, что однажды это случится, и я буду бессильна, – только и отвечает мне мисс Саммерс. – Не имею права не отдать её. Шерил – её законная мать. И если Вы до сих пор не решили этот вопрос, что я могу сделать?

– Как давно они уехали? – спрашиваю я, понимая, что она права.

– Пять минут назад. Я сразу же позвонила Вам, – говорит девушка. Я провожу рукой по волосам, чувствую, как становится жарко.

– Спасибо, – только и отвечаю прежде, чем бросить трубку.

Мне не хватает воздуха. Нужно было понять, что Шерил пойдёт на всё, чтобы добиться своего. Хотя я так и не понимаю, зачем ей на самом деле Эйвери. Она никогда её не любила.

– Что случилось? – тихо спрашивает Мэдлин, подходя ко мне. – Ты всех гостей распу-гаешь.

– Да плевать мне на всех! – кричу, отмахиваясь от сестры, которая пытается прикоснуться ко мне. – Она забрала её, Мэд!

– Лилиан? – непонимающе спрашивает сестра, но я лишь сильнее вспыхиваю.

– К чёрту Лилиан! Шерил! Эта стерва забрала мою дочь из школы и увезла!

Сестра смотрит на меня со страхом, и я разделяю её чувства. Голова начинает кружиться. Не знаю, куда мне бежать и где искать дочь. Что мне теперь делать? На глаза наворачиваются слёзы, но я стараюсь сдержаться. Мужчины не должны плакать. Не должны? Разве это не та самая ситуация, когда можно всё? Мэдлин пытается обнять меня, но я не позволяю этого сделать. Мне нужно найти хоть одну зацепку. Хоть что-то.

– Она точно что-то знает, – сквозь зубы цежу я, а сестра смотрит с недоумением.

– О ком ты, Этан?

– Лилиан, чёрт бы её побрал, – выкрикиваю я и выбегаю из ресторана, не обращая внимания на то, что сестра что-то говорит мне вслед.

Сажусь в машину и чувствую, как трясутся руки. Я обещал себе, что никогда не сяду за руль в таком состоянии. Но до квартиры Лилиан не меньше пяти кварталов.

– Чёрт! Чёрт! – кричу я и бью руками по рулю.

Сердце бешено колотится и ничего в целом мире не сможет меня сейчас успокоить. Выхожу из машины и решаю идти пешком либо поймать такси. Но, как на зло, поблизости нет ни одной свободной машины. Я бегу, не обращая внимания на то, как странно смотрят люди. Сейчас меня ничего не волнует.

Не знаю, сколько проходит времени, пока я добираюсь до квартиры Лилиан и стучу в дверь, но мне кажется, что проходит вечность, прежде чем она открывает. Лилиан видит меня и сначала удивляется, а затем хмурится.

– Чего тебе, Этан? – спрашивает она, скрепя руки на груди. Я пытаюсь отдышаться. – Вспомнил ещё какие-то оскорбления, которые не успел использовать в прошлый раз?

– Где она, Лилиан? – кричу я, задыхаясь. Девушка хмурится ещё больше. Меня злит, что она делает вид, что ничего не понимает.

– Кто? Твоя вежливость? – с насмешкой произносит Лилиан.

Я хватаю её за плечи и трясу. Она смотрит на меня с испугом.

– Где моя дочь? – кричу я ей в лицо, и девушка пугается ещё больше.

– Ты потерял Эйвери? – спрашивает она громко. – И после этого будешь утверждать, что идеальный отец?

– Прекрати, Лилиан! Где Эйвери?

– Откуда мне это знать? Я даже не представляю, как она выглядит. Что вообще происходит?

Я отпускаю её и опускаюсь прямо на пол. Обхватываю голову руками и понимаю, что погорячился. С чего я вообще взял, что Лилиан что-то известно? Мне просто сносит крышу.

Девушка садится рядом со мной и кладёт руку мне на голову.

– Этан, прошу, скажи, что случилось? – просит она, и я понимаю, что она действительно переживает.

– Шерил забрала её из школы, – поясняю я уже тихо дрожащим голосом. – Она говорила, что увезёт её в Северную Каролину, но я и представить не мог, что она похитит дочь прямо из школы. Господи, я сам во всём виноват. Прости, я думал, ты знаешь, где она.

– Этан, – тихо произносит Лилиан. – Я бы никогда так не поступила. Слышишь? Никогда бы ей в этом не помогла. Я всё это время знала, где учится Эйвери, но ни разу так и не пришла к ней, ведь ты был против. Мне не хочется идти против тебя, а тем более, против закона.

Я поднимаю на неё глаза и долго всматриваюсь в её лицо. Лилиан выглядит встревоженной, но одновременно с этим во взгляде есть что-то такое, что меня завораживает. Должно быть, это называется искренностью.

– Просто успокойся и давай подумаем, что делать, – предлагает мне девушка. – У Шерил нет здесь жилья. А значит, она остановилась в гостинице. В нашем городе их не так уж и много. Она может быть в вашей квартире, не думал и об этом варианте? Ты вообще звонил ей?

Лилиан предлагает один вариант за другим, а я чувствую себя болваном. Ведь мне в голову не пришло ничего из этого. Как я мог быть таким сумасшедшим?

– Я даже не, – произношу я, не договаривая. – Я думал, что ты...

Лилиан улыбается.

– Мне, конечно, приятно, что ты сразу же подумал обо мне. Но всё это зря, – девушка кладёт мне руку на щеку, и это меня успокаивает. – Ты должен сделать следующее: поезжай к себе домой, убедись, что Шерил там нет, а затем ступай в полицию. Не делай ничего, о чём потом пожалеешь.

– Спасибо, – выдыхаю я сквозь дрожь во всём теле. О полиции я тоже не думал. А ведь это хороший способ лишить Шерил всех прав на дочь навсегда. – Прости, что наговорил тебе всякого.

– Поезжай, Этан, – говорит мне Лилиан и встаёт. Я тоже встаю с пола. – Прошу, как только что-то узнаешь, позвони мне. Иначе я просто сойду с ума.

– Не будешь проситься поехать со мной? – удивляюсь я. Лилиан отрицательно качает головой.

– Нет, но, если потребуется моя помощь, любая, просто дай мне знать. Я сделаю всё. Слышишь, Этан?

Я утвердительно киваю и, ещё раз поблагодарив Лилиан, выхожу из дома. До моей квартиры далеко, и я пытаюсь поймать такси. К счастью, это удаётся мне довольно быстро. Прошу таксиста ехать как можно быстрее и молюсь, чтобы Эйвери была дома. В противном случае, я просто не знаю, что мне делать.

ЛИЛИАН

Январь, 2018 год

По телевизору то и дело транслировали праздничные ролики, хотя до Рождества было ещё три недели. Я сидела на полу, облокотившись на кресло, и пыталась сделать домашнее задание по английскому. Нам нужно было написать сочинение о том, что такое, по нашему мнению, Рождественское чудо.

Я посмотрела на название и поняла, что, кроме него, не смогла написать и пары слов. Знала, что многие мои одноклассники напишут про волшебство или подарки, но мне не хотелось писать об этом. Я давно не верила в Санту, знала, что покупает подарки мама. Именно поэтому и не любила этот праздник.

В прошлом году на Рождество я получила куклу, хотя уже давно в них не играла, и книгу про динозавров, хотя терпеть их не могла. Это ещё ничего. Два года назад мама вообще забыла о подарках.

Я гадала, будет ли мама дома в этом году хотя бы в Сочельник. Или же мне снова придётся остаться одной.

– Мама, – крикнула я. – Не сможешь мне?

– Ну что там ещё? – нервно спросила мама, выходя из спальни.

На ней было красивое платье в пол, волосы уложены, как всегда, идеально. Мне стало обидно до слёз.

– Ты уходишь? – спросила я тихо. Мне больше не хотелось помощи.

– Тебе какое дело? – спросила мама, застёгивая серёжку. – У меня есть дела. А твоя задача – делать уроки.

– Мне нужна помощь с сочинением, – попросила я. Мама недовольно вздохнула, но промолчала. – «Что такое Рождественское чудо?» О чём мне написать?

Мама подошла ближе, присела и взяла меня за подбородок. От неё пахло духами, и я практически задыхалась от этого запаха.

– Так напиши правду, Лилиан, – со злостью произнесла она. Мне ещё больше захотелось расплакаться. – Напиши, что никаких чудес не бывает.

– Может, это только у тебя в жизни их не было? – с обидой спросила я, повысив голос. – Это не значит, что их не существует!

Неожиданно мама дала мне пощёчину и усмехнулась. Неожиданно? Нет, это не так. Я давно к подобному привыкла.

– Чудом будет, если ты вырастешь хоть кем-то, отдалённо напоминающим нормального человека, – сказала мама и встала. – А теперь – доделай домашнее задание, вымой посуду и ложись спать.

Мама собралась уже выйти из комнаты, как я её остановила.

– Я снова останусь одна на всю ночь?

Мама обернулась, и в её глазах я увидела свою погибель. К моему удивлению, она промолчала и ограничилась лишь злобным взглядом. Видимо, лимит на пощёчины в тот момент был исчерпан.

На следующий день в школе учительница попросила меня задержаться после уроков. Думала, дело в тесте по математике, который я завалила. Знала, что ничего хорошего не стоит ждать по этому поводу ни от учителя, ни от мамы.

Я сидела за первой партой и ждала лекции о старательности или чём-то подобном, но учительница поставила свой стул рядом и села. Это меня насторожило.

– Лили, можно поговорить с тобой? – спросила миссис Роуз. Я лишь утвердительно кивнула. – Как у тебя дела?

Вопрос показался мне странным.

– Нормально, – только и пробубнила я. Надеюсь, что на этом разговор закончится, но учительница не собиралась уходить.

На самом деле миссис Роуз мне всегда нравилась. Она была доброй и весёлой, могла помочь и очень редко ругала. Именно она хвалила все мои рисунки и постоянно твердила, что я молодец.

– Скажи, мама часто тебя ругает? – спросила учительница и я занервничала ещё больше. Можно ли мне отвечать на такие вопросы?

Пару раз подобный разговор происходил ещё два года назад, когда я пришла в школу с разбитой губой, а через неделю – с обожжённой ладонью. Пришлось врать всем про велосипед и про то, что сама обожглась утюгом, ведь мама строго-настрого запретила что-то рассказывать. Мне было страшно, только и всего. Потом разговоры прекратились, но я не знала, стало ли мне легче. В душе я всегда надеюсь, что кто-то сможет повлиять на маму, изменить её. Что кто-то сможет спасти меня.

– Лили, – позвала меня миссис Роуз, и я поняла, что задумалась. Отрицательно покачала головой.

– Нет, – произнесла я тихо и опустила голову. – Иногда. Вы же знаете, какая я.

– Знаю, дорогая, – ласково сказала учительница. – Ты замечательная. Очень умная и красивая девочка. Разве ты думаешь иначе?

– Да, – с дрожью в голосе ответила я. – Я совсем не умная. Всегда всё порчу и ломаю. И задаю много вопросов. И делаю всё не так. И плохо учусь. И...

Я поняла, что начинаю плакать, и поспешила остановиться. Нельзя было делать этого. Мама придёт в ярость, если узнает о сегодняшнем разговоре. Боюсь представить, что она сделает.

– Мама часто тебя бьёт? – тихо спросила миссис Роуз. Её голос прозвучал странно, словно она сама собралась плакать.

Я вздрогнула от вопроса и долго молчала. Учительница на секунду прикоснулась к моему плечу, и я вздрогнула снова.

– Я не скажу твоей маме, договорились? – сказала она. – Просто ответь мне. Если тебе нужно с кем-то поговорить, я ведь всегда тебе помогу. Ты это знаешь.

Я продолжала молчать, хотя внутри всё разрывалось. Мне хотелось рассказать о каждой пощёчине, ударе любимым подвернувшимся предметом, о ночах в подвале, о неделях в одиночестве практически без еды. Обо всех моих страхах и слезах.

– Бывает такое, что мама бьёт тебя? – спросила миссис Роуз.

Я лишь утвердительно кивнула. Было очень страшно.

– Часто?

Снова кивок. Не могла произнести даже слова.

– Хочешь, чтобы мама перестала это делать?

И снова кивок.

Миссис Роуз приобняла меня за плечи. На пару секунд стало неудобно, но после я почувствовала, что мне это нравится. Мама никогда меня не обнимала.

– Чудеса бывают, Лили, – произнесла она тихо. – И у тебя всё будет хорошо.

Тогда, в восемь лет, я не знала, что своим сочинением спровоцировала кардинальные перемены в жизни. Что именно с того дня начнётся пристальный контроль со стороны учительницы, психолога. Что однажды миссис Роуз найдёт меня на пороге дома с разбитым носом. Что всего через полгода меня заберут от матери навсегда.

Но если бы я знала, что всё так обернётся, то написала бы это сочинение намного раньше и, возможно, выиграла для себя ещё несколько лет жизни в другой семье, которая стала для меня настоящей.

Воспоминания не дают мне уснуть. Они переплетаются со страхами в настоящем, и голова просто лопается.

Утром мне вставать на работу, но об этом я думаю меньше всего. Только и могу метаться по комнатам, предпринимать жалкие попытки успокоиться и заснуть.

Говорю себе, что полиция во всём разберётся, что они найдут Эйвери, и моей сестре не придётся больше провести с матерью ни одного дня в своей жизни.

Проклинаю себя за то, что не поехала с Этаном, но это было правильным решением. С точки зрения закона, эта девочка мне никто, и я ничего о ней не знаю. От меня не было бы толку. На слёзы и переживания у полиции просто не будет времени.

Часы тянутся медленно. Я то и дело проверяю мобильный, но никаких звонков не обнаруживаю. Мне хочется выпить, но я каждый раз себя останавливаю. Сейчас для этого не время. Нужно научиться успокаиваться без алкоголя и бессмысленных звонков Ивлину. Для Эйвери мне нужно стать лучше. Если, конечно, она найдётся.

Около часа ночи я предпринимаю ещё одну безуспешную попытку уснуть, как вдруг в дверь стучат. Я открываю, наверное, за пару секунд.

На пороге стоит Этан. Он измучен и взволнован одновременно. Эйвери с ним нет, и это очень плохой знак.

– Не хотел тебя будить, – только и произносит он. Его голос непривычно сломленный.

– Я всё равно не спала, – отвечаю я. – Входи.

Этан проходит в квартиру и останавливается посреди комнаты, как и в прошлый свой визит неделю назад. Тогда всё вышло глупо и сложно. Но сейчас не время говорить об обидах.

– Какие новости? – спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие. Сделать это практически невозможно.

– Дома их нет. Они даже не взяли никакие вещи. Я звонил много раз, но Шерил не берёт трубку, – произносит Этан. Заметно, что он просто разбит. Глаза блестят, но он не плачет. Он действительно любит эту девочку. Мне не стоило сомневаться.

– Ты был в полиции? – спрашиваю я, подходя ближе. Этан утвердительно кивает.

– Только что оттуда. Они её ищут, но от меня мало толка. Меня практически вытолкали домой. Сказали отдохнуть, но как я могу отдыхать сейчас?

Этан ни на секунду не повышает голос, и я понимаю, что у него просто нет сил. Порой жизнь человека зависит от другого сильнее, чем мы можем себе это представить.

– Тебе и правда нужно отдохнуть. И согреться, – говорю я. – Посмотри на себя – ты весь мокрый. На улице снегопад. Ты что – шёл пешком?

– Нельзя садиться за руль в таком состоянии, – произносит он, и я неожиданно вздрагиваю. Он прав. – Мне нужно было хоть немного успокоиться.

– Снимай пальто и садись. Я заварю тебе горячего чая. Нужно для начала согреться, – говорю я, но мужчина не сдвигается с места.

Я подхожу ещё ближе и стаскиваю я него пальто. Он лишь удивлённо смотрит на меня.

– Ну же, Этан, садись на диван, – прошу я.

– Ты в прошлый раз предлагала вино, – говорит он. – Ещё осталось?

– Ты не пьёшь, – отрезаю я. – И нечего начинать сейчас.

Этан проходит к дивану, садится и обхватывает голову руками. Мне хочется сесть рядом и пожалеть его, обнять, но это будет лишним.

– Ты права, – произносит он и проводит ладонями по лицу. – Я не пью. Такой болван!

– Просто расслабься, – говорю я и иду на кухню.

Ставлю чайник, завариваю чай и возвращаюсь уже через пару минут. Этан сидит на диване в той же позе и, кажется, даже не заметил, что прошло какое-то количество времени.

Я ставлю чашки с чаем на столик и сажусь рядом.

– Если ты не выпьешь сам, мне придётся тебя поить, – нежно произношу я. – Не заставляй меня это делать.

Этан на пару секунд слабо улыбается и берёт чай со столика. Его руки дрожат, то ли от холода, то ли от всего, что произошло. Мы пьём чай молча. Мне нечего сказать, а Этан едва ли хочет вообще разговаривать. Я думаю о своей сестре, и что ей, судя по всему, повезло с отцом. Эйвери есть кому защитить, мне же такой милости не выпало, ведь об отце никогда ничего не было известно.

– Прости, что пришёл, – вдруг произносит Этан. – Нужно было куда-то пойти, но дома оставаться не хотелось.

– Ты правильно сделал, что пришёл, – отвечаю я. – И хватит извиняться. Ложись поспи, а утром поедешь в участок, хорошо?

Этан отрицательно качает головой.

– Я не засну, – произносит он, и я знаю, что это правда.

– Тогда лежи с закрытыми глазами, – прошу я. – Этан, тебе нужно немного отдохнуть, иначе сил совсем не будет. Так нельзя.

Я иду в спальню и приношу оттуда подушку и одеяло. Кладу на диван и улыбаюсь Ханту.

– Просто ложись, – говорю я снова.

– А ты что же? Не будешь спать? – спрашивает он.

Улыбаюсь только, чтобы скрыть ложь.

– О, я сова, – вру, но не чувствую за это вины. – Ночь – пик моей активности. Так что я просто посижу здесь, пока не заснёшь. Почитаю или что-нибудь такое.

– Спасибо, – только и отвечает Этан. Он ложится на диван прямо в одежде, а я накрываю его одеялом.

Сама сажусь рядом с диваном на ковёр и беру в руки книгу со столика. На самом деле я даже не начинала её читать, да и не планировала. Ивлин притащил эту книгу пару дней назад. Сказал, что ему её дали в качестве подарка в каком-то магазине, а он и не собирается читать подобную дрянь.

Глаза слипаются, но я заставляю себя читать дальше, пока не осознаю, что не понимаю ни слова. Голова затуманена волнением и усталостью.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Этана и облегчённо выдыхаю. Он спит. Ему пойдёт это на пользу.

Ещё какое-то время я пытаюсь вникнуть в книгу, но вскоре бросаю это занятие. Кладу голову на диван и долго смотрю на Этана, пока сама, наконец, не засыпаю прямо на полу.

ЭТАН

Январь, 2018 год

Мне жарко и невероятно затекло всё тело. Открываю глаза и пытаюсь осознать, где нахожусь. Вдруг вспоминаю весь вчерашний день и моментально прихожу в себя. Хочу встать, но замечаю, что на моей руке лежит голова Лилиан. Девушка спит, сидя прямо на полу, опираясь на меня.

Неожиданно желание куда-то бежать пропадает. Я смотрю на Лилиан и не могу сдержать улыбку. Девушка выглядит такой спокойной и милой. Именно милой, и никак иначе. Я испытываю огромное чувство благодарности и умиления, понимая, что она проспала так всю ночь, охраняя меня и мой сон.

Мне не хочется её будить, но долго ждать я тоже не могу. Провожу свободной рукой по завязанным, как обычно, в хвост волосам и останавливаюсь на щеке Лилиан. Девушка лишь дёргается во сне, но не просыпается.

– Лилиан, – тихо зову её я, затем повторяю её имя ещё несколько раз.

Наконец, она открывает глаза и смотрит прямо на меня. Даже такой сонный взгляд украшает её. Я снова улыбаюсь.

– Доброе утро, – произношу я, девушка улыбается в ответ.

– Не могу поверить, что проспала так всю ночь, – тихо говорит она и убирает голову с моей руки. Мне вдруг становится жутко неудобно, словно я остался с неприкрытым тылом. – Всё тело жутко болит.

– Тебе не стоило оставаться со мной здесь. Могла бы отлично выспаться в постели, – говорю я, хотя на самом деле рад видеть её рядом.

– Не хотела тебя бросать, – говорит Лилиан. Она встаёт и делает несколько наклонов в разные стороны, чтобы размять тело. – Я сварю нам кофе.

Такие обычные слова кажутся мне очень приятными. Я встаю и пытаюсь найти своё пальто. Смутно помню, как вчера Лилиан снимала его с меня. Пальто висит на вешалке при входе. Достая из кармана телефон и понимаю, что мне никто не звонил. Значит, новостей нет.

Нужно срочно собираться и ехать в полицейский участок, хотя едва ли я узнаю что-то новое. Смотрю на время и буквально ахаю.

– Лилиан, уже десять утра, – кричу я.

Девушка выглядывает с кухни и застывает. На её лице я вижу разочарование.

– Я опоздала на работу, – говорит она с отчаянием. – Вот чёрт!

Прохожу на кухню и сажусь за барную стойку. Смотрю, как Лилиан варит кофе. Смотрю? Нет, скорее люблюсь. Она делает всё так легко и естественно, словно всё это вполне обычная практика наших с ней совместных дней.

О чём я вообще думаю? Не могу отделаться от собственных мыслей, и меня это злит.

– Разве плюс работы на себя не в том, что можно приходиться, когда захочется? – спрашиваю я, только чтобы нарушить неловкое молчание. Хотя, похоже, саму Лилиан оно не напрягает.

– Да, но чем больше я буду спать, тем меньше заработаю, – отвечает девушка и разливает кофе по чашкам. – Вчера пришлось попросить мою помощницу задержаться подольше. Я несую потери.

Лилиан улыбается и ставит передо мной чашку кофе. Аромат моментально заряжает меня энергией, хотя я не сделал ещё и глотка. Девушка садится рядом и размешивает сахар в чашке.

– У тебя уже есть работники? – спрашиваю я, делая глоток. – Это хороший показатель роста бизнеса.

– Не то чтобы работники, – Лилиан пожимает плечами. – Кэтлин подрабатывает время от времени. Я прошу её иногда подменить меня или помочь в праздники. О расширении бизнеса говорить пока рано.

– У тебя всё получится, – говорю я. Лилиан едва заметно улыбается. Мои слова ей приятны, безусловно.

– Есть какие-нибудь новости? – спрашивает она. Я отрицательно качаю головой.

– Ни одного звонка. Сейчас поеду напрямиком в участок.

– Тебе нужно принять душ, переодеться, позавтракать, – возражает Лилиан, но я не готов с ней согласиться.

– Это может подождать. Ещё успею.

Лилиан допивает кофе, встаёт и ставит чашку в раковину. Она молча смотрит на меня и ждёт, пока и я закончу нашу маленькую утреннюю трапезу.

– Мне нужно в душ, – говорит она, наконец, со смятением в голосе.

– О, – только и протягиваю я. – Тогда мне пора.

– Вообще-то, – так же неуверенно произносит Лилиан. – Я думала, мы выйдем вместе. Не подождёшь немного?

Я киваю в знак согласия и Лилиан спешно выходит из комнаты. Мне остаётся только допивать кофе в тишине и одиночестве. Зато есть время оглядеться, хотя едва ли я могу найти здесь что-то необычное.

Такой же порядок, как и в прошлый раз. Да, тогда всё вышло глупо. Я вспылил и наговорил глупостей. Не думаю, что Лилиан всё забыла и простила. Просто сейчас нам обоим не до выяснения отношений.

Допиваю кофе и ставлю чашку в раковину рядом с чашкой Лилиан. Замечаю, что улыбаюсь, видя их вместе. Кажется, я схожу с ума.

Выхожу в гостиную и рассматриваю книжную полку для того, чтобы отвлечься от странных мыслей. Здесь довольно интересная коллекция литературы, книги не новые, некоторые зачитаны практически до дыр.

Рука сама тянется к роману Харпер Ли, и я достаю книгу. Долго верчу её в руках, не решаясь открыть, словно в этом есть что-то личное. Но в конце концов я всё же открываю книгу и замечаю множество заметок на полях и подчёркнутых цитат. Ощущение, будто я читаю чужой дневник, но мне уже сложно остановиться.

«Ничего не надо страшиться, кроме страха».

Что ж, эта девушка, наверняка, знает всё о страхе. Ничего удивительного, с такой матерью. Я часто представляю Лилиан маленькой девочкой, светловолосой и улыбчивой, как Эйвери. Но, должен признаться, едва ли они похожи. Лилиан кажется мне в разы несчастнее.

Я перелистываю пару страниц и вновь останавливаюсь.

«Она – одна из немногих особ женского пола, которых он в состоянии терпеть около себя сколько угодно времени».

Я улыбаюсь и провожу пальцами по линиям, которые Лилиан оставила в книге. Сердце пронзает необъяснимое чувство, словно я знаю эту девушку много лет. Странно, что могут сделать пару цитат в какой-то книге.

– «Убить пересмешника»? – слышу я голос Лилиан и оборачиваюсь. Ощущение, словно меня, как мальчишку, застали врасплох.

– Прости, – оправдываюсь я, но вижу, что девушка не злится. – Стало интересно, только и всего.

– Всё в порядке, – с улыбкой отвечает она. – Это хорошая книга. Одна из любимых, пожалуй.

– Ты все их прочла? – спрашиваю я, возвращая книгу на место.

– Почти все, – девушка пожимает плечами.

Только сейчас я замечаю, что она уже переоделась. На ней чёрное тёплое платье без каких-либо необычных штрихов и украшений. Но и оно ей к лицу. Чёрт, есть хоть что-то, что ей на самом деле не идёт?

– Это книги моей мамы, – говорит Лилиан и, видя моё удивление, уточняет. – Моей приёмной мамы. Я почти готова. Ещё пару минут, хорошо?

Я соглашаюсь и продолжаю осматривать всё вокруг, пока Лилиан собирает сумку. На комод под лампой я замечаю фотографию и долго её рассматриваю. Лилиан здесь явно года на три-четыре младше. Рядом с ней молодой мужчина, он точно старше её. Волосы ещё темнее моих, такие же глаза. Их объединяет только одно – счастливая улыбка.

Долго думаю, кто этот парень, почему она хранит это фото столько лет. Где он сейчас, и почему я о нём не слышал.

– Это Джейсон, – прерывает мои размышления Лилиан. Я оборачиваюсь. Она уже надела пальто и смотрит на меня с нетерпением. – Он мой брат. Сын моих приёмных родителей.

– Он милый, – только и отвечаю я, хотя чувствую, что на душе стало легче.

Мы выходим из квартиры вместе, но молчим и чувствуем неловкость. Я за многое благодарен Лилиан, но это не мешает мне злиться на неё из-за Эйвери. Думаю, сама Лилиан испытывает что-то похожее.

– Позвони мне, хорошо? – просит девушка, когда мы выходим на улицу. К сожалению, нам в разные стороны. – Когда узнаешь что-нибудь. Любую мелочь.

Я обещаю позвонить, благодарю её ещё раз и ухожу. Делаю над собой усилие, чтобы вдруг не обернуться. Не понимаю, зачем мне это нужно.

Чем дальше я ухожу от дома Лилиан, тем яснее становится мой разум. Просыпается вчерашний страх и негодование, хотя я, безусловно, веду себя гораздо спокойнее.

Мне приходится вновь ловить такси, и я обещаю себе, что больше не буду доводить себя до состояния, в котором нельзя вести автомобиль.

До участка ехать около двадцати минут, и эти минуты кажутся мне вечностью. Я боюсь узнать, что они не нашли Эйвери, но ещё больше боюсь, что её нашли, но с ней приключилось что-то плохое.

Когда я уже почти подъезжаю к участку, раздаётся телефонный звонок. Сердце начинает вновь бешено колотиться.

– Мистер Хант, – слышу я в трубке мужской голос. – Это сержант Роджерс. Мы нашли Вашу дочь.

Оставшуюся дорогу я не могу усидеть на месте, и как только такси останавливается, выбегаю из автомобиля и не сбавляю скорость ни на секунду.

В полицейском участке, как и всегда, полно народу. Я то и дело верчу головой в поисках Эйвери. Ожидаю увидеть её где-нибудь, сидящей на стуле, или играющей с кем угодно, но дочери нигде нет.

– Мистер Хант, – слышу я уже знакомый голос. Передо мной сержант полиции.

– Что с Эйвери? Где она? С ней всё в порядке? – вопросы льются рекой, но сержант медлит, кажется, несколько лет, прежде чем ответить.

– Ваша жена и правда забрала её с собой в гостиницу, – говорит сержант. Он предельно спокоен и собран. Я успокаиваю себя только этим. Ведь, если бы что-то случилось, я бы сразу понял. Правда ведь? На самом деле, не знаю. – Мы нашли Вашу дочь, но миссис Хант в номере не было. Мы ждали её появления до утра, но она так и не пришла. Номер она не сдала, значит, рано или поздно вернётся хотя бы за вещами. Так что – мы её найдём.

– Эйвери, – почти стону я, полицейский утвердительно кивает.

– Мы обнаружили девочку в номере. У неё был приступ эпилепсии, но мы успели вовремя, – говорит мужчина, и я почти теряю сознание от ужаса. – Сейчас её осматривают врачи, но её жизни ничего не угрожает.

– Приступы не смертельны, если всё делать правильно, – поясняю я. Полицейский снова кивает. Он кладёт мне руку на плечо.

– Мы всё делали правильно. Её скоро привезут.

– Давайте я сам поеду в больницу, заберу её, – предлагаю я, понимаю, что говорю слишком громко и быстро. Нужно успокоиться.

Проблема в том, что пока я не увижу дочь собственными глазами, то не смогу расслабиться ни на секунду.

– Пойдёмте, я покажу, где вы можете подождать, – только и отвечает полицейский, не обращая внимания на мои слова. – У нас есть кофе и автомат с печеньем.

У меня нет сил спорить. Сержант заводит меня в какую-то комнату, и мне трудно понять, для чего она здесь существует. Для таких людей, как я? Чтобы томительное ожидание было более комфортно?

Минуты тянутся часами, а часы превращаются в дни. Эйвери всё нет. Я наливаю себе вторую чашку кофе, но ничего не помогает. Неудивительно. Меряю шагами комнату и совсем не чувствую усталости. Только опустошение.

Когда дверь в комнату открывается, моё сердце замирает. Я вижу полицейского, а за ним – свою дочь. Облегчённо выдыхаю и пытаюсь сдержать слёзы.

– Папа, – радостно кричит Эйвери и бросается мне в объятия. – Я соскучилась по тебе.

Я обнимаю дочь так крепко, что боюсь сломать ей что-то. Вдыхаю запах её волос и чувствую, как на смену страху приходит умиротворение.

– С тобой всё в порядке? – спрашиваю я, смотря дочери в глаза. Она утвердительно кивает.

– Мама забрала меня из школы и сказала, что мы все вместе поедem отдыхать. Мы ждали тебя, но ты так и не пришёл, – Эйвери пожимает плечами. – Мама ушла вечером по делам. А мне, – дочь запинается, – мне стало плохо. Я забыла утром выпить лекарство, и вечером тоже. Прости.

– Тебе не нужно извиняться, – шепчу я ей и целую в щеку. – Главное, что всё хорошо.

– Ты позвонишь маме? – спрашивает Эйвери, я стараюсь не злиться. Напоминание о Шерил сводит меня с ума.

– Давай вернёмся домой, а после поговорим, – прошу я, и дочь соглашается.

Полицейский, который привёл Эйвери, передаёт мне бумаги из больницы и обещает позвонить, как только станет известно хоть что-то о Шерил.

Я беру дочь за руку, и мы выходим на улицу. Вдыхаю холодный воздух и понимаю, что действительно дышу.

Мы идём домой пешком, ведь машина так и осталась у квартиры. Но нам обоим это нравится. Эйвери рассказывает о том, что ехала в машине с мигалками и полицейский разрешил ей включить сирену на несколько секунд. Девочка смеётся, когда рассказывает свою историю. И только этот смех лечит все те раны, которые образовались за два дня.

Когда мы, наконец, поднимаемся в квартиру, я чувствую себя в безопасности, словно эти стены могут оградить нас от всего. Думаю о том, что завтра же нужно сменить замки.

– Мисс Саммерс будет ругать меня за то, что я пропустила школу, – говорит Эйвери и садится на пол возле дивана. Так же, как и её старшая сестра. Я улыбаюсь.

– Давай я приготовлю что-нибудь вкусное? – предлагаю я, но дочь поджимает губы.

– Может, закажем пиццу? – просит она, а я не могу сейчас сопротивляться.

До сих пор не могу поверить, что всё реально. Ещё пару часов назад я страдал и боялся, что никогда не увижу дочь, а сейчас она со мной, хитрым голосом просит любимую пиццу.

После того, как я звоню в доставку, то сразу же набираю сообщение Лилиан. Нельзя забывать о своём обещании. К тому же, она и правда переживает. Она заслуживает знать, что всё в порядке.

«Эйвери дома. Всё хорошо. Поговорим позже».

Отправляю и хочу отложить телефон в сторону, но почти сразу же получаю ответ. Видимо, Лилиан действительно ждала новостей.

«Спасибо, Этан. Просто спасибо».

Я перечитываю эти несколько слов раз за разом, пока не замечаю, что слишком откровенно улыбаюсь.

ЛИЛИАН

Февраль, 2018 год

Я очарован тобой навеки. Ты прикоснулась к моему сердцу.

Вот что на языке цветов означает белый гиацинт. Для человека, который в этом разбирается, всё элементарно просто и понятно. Но не для остальных людей.

Молодой человек, одетый явно не по погоде, выбрал именно жёлтый. А это значит только ревность и недоверие. Странно, что настолько солнечный яркий цвет всегда имеет такой смысл.

Но, как бы я ни старалась переубедить своего покупателя, парень настойчив в своём выборе. И мне приходится просто сдаться. В конце концов, это я придаю слишком много значения таким мелочам. Люди просто хотят наслаждаться красотой.

– Жена любит эти цветы, – с улыбкой объясняет парень, хотя я ничего не спрашивала. – Для полной коллекции не хватает только жёлтого.

– Вашей жене очень повезло, – отвечаю я и отдаю цветок покупателю.

Должно быть, в паре, где мужчина выбирает цветы для коллекции жены, не важны никакие условности и тайный язык. Возможно, жёлтый цвет не имеет никакого влияния на настоящую любовь.

Когда парень уходит, я снова остаюсь одна во всём магазине. На улице уже почти ночь, но мне совсем не хочется идти домой. Тишина и пустота в последнее время стали слишком сильно на меня давить. А всё потому, что я узнала, что, наконец-то, смогу перестать быть такой одинокой.

К сожалению, после хороших новостей об Эйвери, Этан больше не звонил. Сама я не хотела навязываться, хотя и очень желала увидеть сестру. Мне казалось, что общее горе нас с ним сплотило, но как только всё наладилось, мы снова стали незнакомцами друг для друга.

Прошло почти две недели с нашей последней встречи с Этаном, и я просто сходила с ума от незнания. Всё ли у них хорошо? Счастливы ли они?

Не знаю, с каких пор я стала беспокоиться не только о сестре, но и о её отце. Этан вызывает у меня странные чувства, и мне сложно подобрать им какое-то объяснение. Возможно, я просто так сильно хочу стать частью их семьи, что каждый отказ больно отзывается в моём сердце.

Хотя, не вру ли я себе? Может, эта обида называется иначе? Может, я просто скучаю по нему?

Нет, эта идея кажется мне совсем глупой. Этан – отец моей сестры, муж моей матери. Я не имею права испытывать к нему никаких чувств.

Когда вижу на экране мобильного номер Ивлина Конли, то вздрагиваю. В душе я вдруг чувствую себя виноватой перед Этаном, а потом спешу отогнать от себя эти мысли. Это всё глупости, о которых даже и не стоит думать.

– Ещё не спишь, фея цветов? – смеётся Ивлин, когда я беру трубку. Мне на секунду становится приятно.

– И тебе привет, король контрактов, – отвечаю я. Парень смеётся ещё громче.

– Готов быть для тебя кем угодно, – отвечает он. – Я заеду? Или ты снова занята ссорами с неотёсанными грубиянами?

– Я на работе, Ивлин, – только и отвечаю я, понимая, что мне неприятны такие высказывания в адрес Этана. – Не знаю, когда вернусь. Позвони кому-нибудь другому.

– Ты меня переоцениваешь, – отвечает Ивлин. – Двух взбалмошных девиц я не выдержу.

– Хорошего же ты обо мне мнения, – говорю я и почти уверена, что парень хмурится.

– Заеду в магазин, значит. И возражения не принимаются.

Ивлин бросает трубку прежде, чем я успеваю поспорить.

Мне не нравится идея его приезда, но я понимаю, что предпочту даже его общество одинокому вечеру. Ещё раз проверяю список входящих звонков, надеясь увидеть номер Этана. Вдруг я просто не услышала, когда он звонил. Но чудеса случаются крайне редко и, видимо, не в моём случае.

Ивлин приезжает довольно быстро. Впрочем, как и всегда. Я едва успеваю убрать последние цветы в холодильник, как парень открывает дверь. На нём строгий костюм и галстук, которые невероятно ему идут. Парень выглядит строго и, чего греха таить, сексуально. Я лишь улыбаюсь в знак приветствия.

– Ты, как всегда, в работе, – произносит Ивлин. В его голосе я слышу усталость, хоть и не верю в это. Сколько знаю этого парня, он ни разу не изменял своему хорошему, пусть и слегка таинственному, настроению.

– А ты, как всегда, разъезжаешь по городу. Когда ты успеваешь работать и зарабатывать те большие деньги, которые тратишь на эти костюмы? – говорю я.

Парень усмехается, но делает это слишком натянуто. Он поворачивает ключ, запирая дверь изнутри. Потом выключает верхний свет и кладёт свой портфель на стол.

Магазин погружается в полутьму, помещение освещает только лампа над рабочим столом.

– День выдался паршивым, – шепчет парень. – Лучше не говорить об этом.

Ивлин подходит ко мне ближе и привычно проводит рукой по моей спине, останавливаясь на талии. Он резким движением притягивает меня к себе и целует.

Должно быть, впервые за все годы, что мы знакомы с Ивлином, я не хочу целовать его, хотя эта близость никогда и не вызывала у меня пресловутых бабочек в животе. Я вновь вспоминаю Этана и проклиная себя за это.

Как бы там ни было, появление Ивлина весьма кстати. Только он может помочь мне забыть о Ханте хотя бы на время.

Парень прижимает меня к стене и ненадолго отстраняется. Он смотрит на меня так, словно видит во мне что-то особенное, хотя я знаю, что это не так. Ивлин проводит рукой по моим волосам, и я вздрагиваю. Так же делал и Этан. Ничего не получится. Глупо было надеяться.

Я останавливаю Ивлина, положив руки ему на грудь. Парень смотрит на меня с удивлением. Ещё бы, за четыре года мы ни разу не отказывали друг другу.

– Что-то не так? – спрашивает парень обеспокоенно. – Не хочешь делать этого здесь?

– Вообще не хочу этого делать, – произношу я. Ивлин смотрит на меня, как на сумасшедшую. Видимо, в его голове не укладывается, как кто-то может не хотеть секса с ним.

– В чём дело? – нервно спрашивает парень. Я боюсь, что он обидится. Хотя, боюсь ли я этого на самом деле? Кажется, нет.

– Прости, давай не сегодня. Ты был прав – день выдался ужасным, – поясняю я и отхожу от парня подальше.

Он всё ещё не понимает, что происходит, и начинает злиться. Отмечаю про себя, что даже в выражении этой эмоции они с Этаном совершенно разные. Почему я вообще их сравниваю?

– Это шутка такая? – Ивлин слегка повышает голос. – Я ехал к тебе через полгорода!

– Но я тебя не звала, – только и отвечаю в своё оправдание.

– Чёрт с тобой, Лилиан, – со злостью произносит парень и берёт свой портфель со стола. – И больше не звони мне, когда кто-то невероятно сильно тебя обидит.

Он пытается открыть дверь, но она заперта. Ивлин ещё раз чертыхается, отпирает дверь и выбегает из магазина. Странно, что я совсем не чувствую себя виноватой перед ним. Возможно ли, что мы переросли эти отношения?

Мы с Ивлином встретились в колледже, и тогда секс без обязательств выглядел в разы привлекательнее. С того времени мы оба повзрослели. Стали ли мудрее? Вряд ли. Нам обоим просто нужно время успокоиться.

Мне вдруг хочется увидеть Джейсона, поговорить с ним, поговорить хоть с кем-то. Но до квартиры брата слишком далеко, чтобы идти пешком. Я даже не рассматриваю вариант ехать на такси, хотя Джейсон и говорит, что это глупо. Терпимо я отношусь лишь к автобусам, но сейчас уже слишком поздно.

Быстро собираюсь и выхожу из магазина. Хочется просто подышать свежим воздухом, тем более на улице заметно потеплело. Зима выдалась совсем не холодной, что меня радует. Не любила морозы с тех пор, как просидела на крыльце дома своей учительницы несколько часов.

В тот день всё пошло не так с самого утра. Я проснулась с болью в горле и насморком. Не было сил даже встать с кровати, не говоря уже о школе. Я несколько раз позвала маму, но она не ответила. Должно быть, ещё спала.

Я решила полежать ещё немного в постели, но незаметно для самой себя заснула. И подумать не могла, к чему это приведёт.

Проснулась я от громкого крика матери. Она стояла надо мной и смотрела самым грозным взглядом. Она несколько раз потрясла меня за плечи.

– Живо просыпайся, – кричала она. – Ты вздумала прогуливать школу?

– Я заболела, мама, – прошептала я с трудом. – Можно мне остаться дома?

Мама откинула одеяло и закричала ещё громче.

– Нужно было думать об этом до того, как мне позвонили из школы! Ты – маленькая чертовка, смеешь позорить меня! Немедленно вставай.

Мать резким движением вытащила меня из кровати, и я упала на пол, больно ударившись головой. На мои всхлипы мать не обратила внимания. Она ещё раз дёрнула меня за руку, чтобы я встала на ноги.

– А теперь бери свой рюкзак и иди в школу! Чтобы я не видела тебя здесь до вечера, ты меня поняла? – крикнула мать.

– Мне нужно одеться, – только и вымолвила я, сопротивляясь. – Я ведь до сих пор в пижаме.

Мать больно ударила меня по лицу, и я отлетела к стене. Она подошла ближе и сжала руку на моей шее. Стало сложно дышать.

– Если ты скажешь ещё хоть слово, клянусь, я тебя убью, – прошипела она мне. – Ты слишком долго создаёшь мне проблемы.

Она опустила руку, и я закашлялась. Хотелось плакать, но делать этого было нельзя.

– Проваливай, – крикнула мать и махнула рукой в сторону двери. Я не могла даже пошевелиться, настолько страх меня сковал.

Тогда мать разозлилась ещё больше. Она за руку выволокла меня в коридор и толкнула так сильно, что я упала и покатила вниз по лестнице. Через пару секунд я почувствовала, как сверху на меня летит мой же рюкзак.

– Не хочу больше видеть тебя здесь! – крикнула мама, но все звуки казались мне приглушёнными. Я попыталась встать, голова кружилась. Из носа капала кровь, а из глаз – слёзы. Я схватила куртку с вешалки, обула ботинки и выбежала из дома, прихватив рюкзак.

Мне некуда было идти. Появиться в таком виде в школе было бы глупо. А родных людей у меня здесь не было. Нигде не было.

Я добрела до дома своей учительницы, миссис Роуз. Пару раз она отвозила меня к себе, когда мать забывала забрать меня из школы.

Несколько раз позвонила в дверь, потом постучала, но никто не открыл. Конечно, миссис Роуз ещё в школе. Мне ничего не оставалось, как сесть на ступеньки перед домом и поста-

раться не заплакать снова. Кровь из носа только-только перестала течь, но руки и одежда были испачканы.

Я просидела на этом крыльце, пожалуй, несколько часов. В конце я уже практически не чувствовала ног и рук от холода. Можно было только молиться, хотя в Бога я никогда не верила.

Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем я услышала знакомый голос.

– Лилиан, – закричала миссис Роуз. И мне не был страшен этот крик, ведь в нём была только тревога. – Что с тобой?

– Миссис Роуз, – прошептала я, почти не было сил говорить. – Простите. Я не знаю, куда пойти.

Учительница завела меня в дом, усадила на диван и укутала в плед. Она заварила мне горячего чая и кому-то позвонила, хотя я не поняла, кому. Мне было всё равно.

Я никак не могла согреться, тряслась всем телом. Миссис Роуз села рядом со мной и крепко меня обняла. От этих объятий мне должно было стать легче, но я только расплакалась.

– Тише, Лили, – прошептала мне учительница и поцеловала в висок. – Сейчас приедут врачи. Они тебя осмотрят, хорошо? Ты не против?

Я отрицательно покачала головой. Мне очень хотелось, чтобы хоть кто-то обо мне позаботился.

Вместе с докторами приехала и полиция. Я мало понимала, что происходит, да и у меня не было на это сил.

Врачи осматривали меня, задавали какие-то вопросы, а мне хотелось спрятаться ото всех. Мне было стыдно сидеть перед всеми этими людьми в одной пижаме и с лицом в крови. Но, как оказалось, это и спасло меня.

– Как бы она не заболела, – прошептала доктору учительница. – Она просидела на улице несколько часов. Так недалеко и до пневмонии.

Когда меня забрали в больницу, стало страшно. Я никогда не лежала в больницах, и не понимала, что происходит.

Первые пару суток я не помнила вообще, потому что лежала с очень высокой температурой. А потом, когда сознание стало немного яснее, начала паниковать.

Миссис Роуз приходила каждый день. Она читала мне книги, хотя я давно уже не любила сказки. Но слушать этот тёплый, ласковый голос мне было приятно.

Учительница рассказывала о том, что происходило в школе, пока меня не было, что на улице потеплело, что на днях в городе был праздник. И ни словом не обмолвилась о моей матери, которая ни разу так и не пришла.

Меня выписали из больницы через пару недель и отвезли домой. Но не для того, чтобы передать матери. Мне было сказано, что нужно собрать необходимые вещи и на время уехать из дома.

– Ты поживёшь в очень хорошей семье, временно, – объяснила миссис Роуз. – А мы пока поможем твоей маме, хорошо?

Миссис Роуз стала для меня единственным близким человеком, поэтому я ей поверила. И только её присутствие придавало мне храбрости, когда я заходила к себе домой, как оказалось позже, в последний раз.

Я прошла наверх в свою комнату и стала собирать одежду в большую сумку. Учительница осталась внизу, как я и просила.

– Привела в мой дом копов, а теперь уходишь? – спросил знакомый голос, и я вздрогнула.

– Мама, – прошептала я и обернулась. На мгновение на моём лице появилась улыбка. Как бы там ни было, я соскучилась по ней.

– Не смей меня так называть, – бросила она в ответ. – Собирайся и проваливай из моего дома.

– Миссис Роуз сказала, что я скоро вернусь, – проговорила я едва слышно, но мать только рассмеялась.

– Ты больше никогда не вернёшься в этот дом, помяни моё слово, – сказала мать. Я начала плакать. Мать закатила глаза.

– Ради Бога, прекрати этот концерт, – резко произнесла она и вышла из комнаты.

Я села на пол и продолжала плакать, пока на плечи не легли чьи-то руки. Подняла голову и увидела миссис Роуз.

– Пора идти, милая, – сказала она ласково, но я только отрицательно покачала головой.

Никакие уговоры на меня не подействовали и, несмотря на все возражения учительницы, социальные работники вынесли меня из дома руках. Я продолжала плакать и вырываться, но безуспешно.

Мать только стояла на крыльце и самодовольно усмехалась. Думаю, она была счастлива.

С тех пор моя жизнь полностью изменилась. Она не стала счастливее или несчастнее, просто другой.

И все эти годы я старалась избегать любой привязанности, любого проявления чувств, чтобы больше не страдать. Но иногда у жизни свои планы.

Поэтому на следующий день на работе я меньше всего жду увидеть на пороге магазина человека, вызывающего у меня до безумия смешанные чувства.

– Здравствуй, Этан, – говорю я, а мужчина лишь улыбается в знак приветствия.

ЭТАН

Февраль, 2018 год

Почему я пришёл под вечер в магазин Лилиан? Просто потому, что знал – она здесь. Мы не общались около двух недель, и за эти дни мне неожиданно сильно стало её не хватать, хотя она никогда и не была частью моей жизни.

– Здравствуй, Этан, – произнесла она так просто, что я только и смог улыбнуться.

– Привет, – отвечаю я и молчу. Зачем я вообще пришёл, если мне нечего сказать?

– Как Эйвери? – спрашивает Лилиан, чтобы нарушить молчание, хотя я знаю, что её это действительно волнует.

Не успеваю ответить, потому что в магазин заходит покупатель. Лилиан просит подождать, а затем бросается составлять букет из красных роз. Смотрю на эту хрупкую девушку и люблюсь. В каждом её движении столько нежности и тепла. Она с осторожностью касается каждого цветка, словно может в любой момент его сломать.

Когда покупатель уходит, Лилиан снова смотрит на меня. Я не заставляю её повторять свой вопрос, поэтому отвечаю сразу же.

– Эйвери в порядке, – говорю я, а девушка утвердительно кивает. – Кажется, она не поняла всей серьёзности ситуации. И я этому рад.

– Она ещё ребёнок, – поясняет Лилиан. – Сейчас она видит всё совсем под другим углом, – вдруг она мрачнеет. – Ты оставил Эйвери дома одну? Уже почти девять вечера.

– Нет, – сразу же протестую я. – Никогда бы так не сделал. Эйвери с моей сестрой. Иногда Мэдлин забирает её к себе, говорит, что девочке нужно внимание женщины. И я с ней согласен.

Лилиан слишком натянуто улыбается, и я вдруг понимаю, что мои слова её задели. Ведь единственная причина, по которой она не может увидеть свою сестру, стоит сейчас перед ней. Но нужно отдать должное Лилиан, она никак не комментирует мои слова, лишь продолжает улыбаться.

Вдруг дверь в магазин вновь открывается и входит молодой мужчина. Он просит красные розы, а я снова покорно жду.

– Сегодня день роз? – саркастично спрашиваю я, когда мужчина уходит. Лилиан хихикает.

– Этан, сегодня ведь праздник, – смеётся она. – Розы – своего рода символ этого дня.

– Праздник? – я поднимаю бровь в удивлении, а Лилиан снова хихикает.

– Боже, да ведь сегодня День Святого Валентина, – произносит она. – Только не говори, что забыл.

Я пожимаю плечами. Давно перестал следить за подобными праздниками, ведь проводить их мне, как правило, не с кем.

– День всех влюблённых? – переспрашиваю я и отрицательно качаю головой. – Едва ли это обо мне.

Так ли это на самом деле? Почему же в таком случае я сейчас здесь, в этом магазине, с девушкой, которую едва знаю, но к которой меня так сильно тянет.

– А ты почему здесь, а не в каком-нибудь ресторане? – спрашиваю я, считая, что молчание затянулось.

– У меня магазин цветов, – смеётся Лилиан в ответ. – Праздники – возможность заработать кругленькую сумму. Пик приходится на обеденное время, сейчас цветы покупают только те, кто забыл сделать это заранее. Скоро буду закрываться.

Делаю вид, что всё понимаю, а на самом деле думаю, какой же я болван. Хотя мне приятно каждое слово, произнесённое Лилиан. Мне не хватало её тона, улыбки и даже злости.

– Ты не сможешь мне перенести эти контейнеры в подсобку, – просит девушка несмело. – Обычно я делаю это сама, но раз уж ты так вовремя пришёл.

– Конечно, – соглашаюсь я и беру один из контейнеров с цветами. Он кажется мне не таким уж и тяжёлым, но не хотелось бы, чтобы Лилиан носила их сама. – Тебе не сложно это делать?

Девушка пожимает плечами.

– Это просто моя работа, – отвечает она и идёт следом.

Я переношу контейнеры один за другим и девушка меня благодарит. Она садится за столик и кладёт на него охапку цветов. Я сажусь рядом.

– Красивые, – произношу, проводя рукой по мелким розоватым бутонам. На одном стебле их, наверное, около сотни, но почти все они не раскрыты.

– Это озотамнус, – отвечает Лилиан с улыбкой и берёт один стебель из всей охапки. – Его называют рисовым цветком. Сейчас его используют только для придания букету пышности. Но они и сами по себе прекрасны, правда?

– Да, – тихо отвечаю я, тоже беру один цветок и нюхаю его. Лилиан смотрит на меня и качает головой.

– У него нет запаха. Он радует нас своим видом, но никогда не отвлекает ароматом. Не странно ли это?

Я чувствую, что вся нежность мира сейчас собралась во мне. Делаю глубокий вдох и тихо соглашаюсь, чтобы только не испортить момент.

Лилиан аккуратно обрезает кончик стебелька и ставит цветок в новый контейнер с чистой водой.

– Можно, я тоже попробую? – спрашиваю, а девушка утвердительно кивает и протягивает мне ещё одни садовые ножницы.

Пытаюсь сделать всё так же, как и Лилиан, но девушка меня останавливает.

– Не нужно отрезать так много, – говорит она, а потом кладёт свою руку на мою, чтобы показать, как нужно делать правильно. Она нажимает моими пальцами на ножницы и отрезает тонкую полоску кончика стебля. – Нежнее, и у тебя всё получится.

Мои руки слегка дрожат от чужих прикосновений, но это очень приятная дрожь. Когда Лилиан отстраняется, мне кажется, что стало слишком пусто.

Несколько минут мы проводим в тишине за работой. Девушка периодически одобрительно кивает, и мне каждый раз приятно. В груди разливается тепло, становится уютно и появляется желание провести в этом магазине всю жизнь.

Неожиданно дверь хлопает и Лилиан, отрываясь от работы, спешит к покупателю. На время её отсутствия в комнате становится непривычно пусто и даже холодно. Я продолжаю обрезать цветы, пока девушка не возвращается. Она берет из моих рук одну веточку и откладывает в сторону.

– Эти уже слишком распустились, – говорит она. – К завтрашнему дню начнут опадать.

– Ты его выбросишь? – спрашиваю я, девушка неуверенно качает головой.

– Заберу домой, – отвечает она и снова садится рядом. Лилиан распускает волосы и спешит пояснить свой поступок, хотя я ничего не спросил. – Голова болит, этот хвост слишком давит.

Я люблю её волосами и, сам не понимая зачем, отрываю несколько распустившихся бутонов от ветки, которую Лилиан только что забраковала. Девушка смотрит на меня удивлённо, а я неожиданно смело вставляю один из бутонов в её волосы.

– Мне кажется, они созданы, чтобы украшать, – поясняю я в ответ на немой вопрос. А потом вкладываю в её волосы ещё несколько цветков.

Лилиан улыбается так красиво, что у меня перехватывает дыхание. С этими цветами в волосах девушка кажется мне сказочной феей, сошедшей со страниц книги. Мне страшно даже прикоснуться к ней, словно я могу разрушить это волшебство.

Ситуация кажется мне невероятно странной. Лилиан – дочь моей жены. Разве я могу испытывать к ней хоть какие-то чувства? Как оказалось – могу. И это сильнее всех условностей.

– Ты красивая, – шепчу я, а Лилиан краснеет. Ей идёт этот румянец, и мне хочется прикоснуться к её щеке, но я не смею этого делать.

– Ты тоже, – отвечает она, а после качает головой. – В смысле... я имела в виду, ты кажешься хорошим парнем.

– Всё хорошо, тебе не нужно объяснять, – отвечаю я и замечаю, что слишком широко улыбаюсь.

Лилиан отводит взгляд и спешит приступить к работе. Мы оба тянемся к цветам, и на секунду наши пальцы соприкасаются. Я должен отдернуть руку, но больше всего на свете не хочу этого делать. Всё так банально и просто, но я чувствую себя истинно счастливым.

Девушка убирает руку и продолжает работать.

– Раз уж сегодня праздник, может, сходим куда-то? – предлагаю я и сам удивляюсь сказанному. Не стоило этого говорить. Да что со мной? – Ты ведь всё равно собралась закрываться.

– Уже закрылась, – отвечает Лилиан, и у меня на душе почему-то становится легче.

– Тогда мы могли бы поужинать...

Девушка смеётся.

– Ты и правда не очень-то осведомлён о Дне Святого Валентина, – говорит она с улыбкой, опуская очередной цветок в контейнер. – Сегодня нам ни за что не найти свободного столика.

– Все так стремятся соблюдать традиции? – спрашиваю я, Лилиан лишь хмыкает.

– Дело не в традициях, – отвечает она. – Возможно, это просто способ сделать любовь двух людей более сказочной.

Сказочная... Это слово теперь ассоциируется у меня только с самой Лилиан.

– Возможно? – переспрашиваю я.

– Никогда не отмечала этот праздник, – говорит она, и в голосе я слышу нотки грусти. Или мне это только кажется.

– В твоей жизни никогда не было настоящей любви? – спрашиваю и снова себя проклиная. Вести такие откровенные разговоры слишком опасно. Однако, Лилиан не злится.

– Любовь, от которой потом хочется прыгнуть с моста? – печально спрашивает она. – Не думаю, что мне это нужно.

– Не всегда любовь приносит боль, – говорю я в защиту, хотя сам с этим не согласен. Просто не хочу, чтобы эта девушка разочаровывалась в жизни так же, как и я.

– Разве? – саркастично спрашивает Лилиан. Я благодарен ей за то, что она не упоминает Шерил. Это разрушило бы всю трепетность момента.

Я поднимаю на Лилиан взгляд, и она тоже смотрит на меня. В её глазах много печали, но кроме этого – тёплый свет, который согревает меня изнутри.

В её лице я вижу черты жены и черты своей дочери. Напоминание о Шерил должно вызвать отвращение, а мысли об Эйвери – отпугнуть.

Но я наклоняюсь вперёд, хоть мы уже и так сидим критически близко, и впиваюсь своими губами в её. Ожидаю, что она прервёт поцелуй и даст мне пощёчину, но Лилиан этого не делает.

Я прикасаюсь к её щеке рукой и чувствую, что начинаю гореть заживо. Губы Лилиан кажутся мне медово-пряными. От неё пахнет цветами и ягодами, и от этого аромата начинает кружиться голова.

Когда мы прерываем поцелуй, я жду упрёков или обиды. Я жду чего угодно, но только не молчания. Лилиан ничего не говорит и смотрит на меня своими удивительно голубыми глазами. Я готов смотреть в них бесконечно.

– С Днём Святого Валентина, Лилиан, – шепчу я еле слышно, чувствуя, что в комнате стало слишком жарко.

– С Днём Святого Валентина, Этан, – отвечает она так же тихо, и в её голосе я не слышу обиды или злости. Её слова звучат опьяняюще. Мне хочется снова поцеловать эту девушку, но я боюсь торопиться.

Лилиан прикладывает ладошки к красным щекам, словно оценивает, насколько они горячие. Я прикасаюсь к её рукам и тяжело дышу.

– Кажется, тебе пора, – говорит она с едва слышным придыханием, неуверенно и сумбурно. На самом деле она так не думает.

– Кажется, давно уже было пора, – отвечаю я совсем о другом. Наши лица всё ещё критически близко, и я слышу горячее дыхание Лилиан.

Девушка улыбается, и в этой улыбке много смущения. Сейчас Лилиан совсем не похожа на ту девушку, которая кричала на меня в своей квартире и выставляла вон. Теперь она та, кто варит по утрам кофе и подчёркивает цитаты в книгах. Так трепетно, так интимно.

– Я снова собираюсь тебя поцеловать, – говорю, сам не знаю для чего.

Она утвердительно кивает и первая целует меня. Когда её губы касаются моих, я шумно выдыхаю. В животе всё сжимается, и я понимаю, что горю от страсти к этой девушке. Но это больше, чем желание, чем просто похоть.

– Это неправильно, Этан, – шепчет она мне в губы. – Мы не должны этого делать.

– Разговаривать во время поцелуев? – шуткой спрашиваю я. – И правда, не лучшая идея.

Лилиан смеётся и отстраняется от меня. Но я наслаждаюсь, слыша её смех. Пытаюсь отдышаться, но это сделать сложно, ведь Лилиан одним своим видом сводит меня с ума.

– Кажется, мне и правда пора, пока всё не стало ещё более неправильным, – отвечаю я, хотя на самом деле не хочу уходить.

Я жду, что девушка меня остановит, но она этого не делает. Провожу рукой по её волосам и достаю один из бутонов, которые сам же туда и вложил. Пусть он напоминает мне о том, что мне не причудился сегодняшний вечер.

Когда я выхожу из магазина, мне всё ещё жарко. Я верчу в руке бутон озотамнуса и произвольно подношу его к лицу. Лилиан сказала, что эти цветы не пахнут, но сейчас я готов с ней поспорить. Этот цветочек точно хранит запах её волос, и я почти уверен, что на вкус он точно такой же, как губы Лилиан – сахарный и пьянящий.

Я иду домой пешком и мечтаю, чтобы поскорее наступило завтра. Благодаря этой голубоглазой любительнице цветов я в свои тридцать пять снова чувствую себя мальчишкой и впервые не хочу взрослеть.

ЛИЛИАН

Февраль, 2018 год

Десять дней и больше двадцати пропущенных звонков от Этана. Это расплата за поцелуй, которого не должно было быть никогда. Слишком рискованно привязываться к кому-то, хотя уже поздно об этом думать.

Что я почувствовала, когда его губы коснулись моих? В душе словно зажётся огонёк, который согревает, но в любой момент может превратиться в опасное пламя. А этого я всегда боялась. Найти человека, без которого не сможешь жить, чтобы потом собирать себя по частям. Я слишком часто проходила это в жизни, чтобы снова совершить такую же ошибку.

Проблема лишь в том, что держаться подальше от Этана я не смогу, даже если сильно захочу. Он – отец моей сестры, а встреча с Эйвери до сих пор главная моя цель. Поэтому игнорирование звонков – временное спасение. Нужно просто взять себя в руки и больше никогда не поддаваться минутной слабости. Только если подумать, разве одиночество – временно?

Я стучу в дверь квартиры брата, и он практически сразу открывает. Джейсон даже в свой выходной одет в костюм, это вызывает у меня лишь улыбку.

– Ты прекрасно выглядишь, – произносит брат и обнимает меня. Чувствую, как от этих объятий мне становится уютно. Джейсон – единственный мой родной человек на данный момент, и я никогда не перестану благодарить небеса за то, что хотя бы он остался со мной.

– А ты выглядишь немного голым, – отвечаю я, брат непонимающе смотрит на меня, – без этого галстука.

Парень смеётся и закрывает за мной дверь в квартиру. Забирает из моих рук пальто и приглашает на кухню.

– Завтрак в виде тостов и кофе – твой любимый, не так ли? – спрашивает он и садится за стол.

– Спусти столько лет ты помнишь, – улыбаюсь я в ответ. – Это большая честь.

– Как ты, Лилиан? – спрашивает Джейсон, за мгновение став серьёзным. – Знаю, сейчас непростой для тебя период.

– В моей жизни не было простых периодов, – я пожимаю плечами и делаю глоток кофе.

– Ты знаешь, о чём я, – поправляет брат. Он выглядит встревоженным. – Встреча с матерью, новость о сестре, – Джейсон за секунду исправляется, чем удивляет меня, – о сёстрах. И годовщина – ты всегда сама не своя перед ней.

– Как будто тебе нравится этот день, – отвечаю я громче обычного и ставлю чашку с кофе на стол. – Они в первую очередь были твоими родителями, настоящими родителями. Не знаю, имею ли я право до сих пор горевать по ним.

– Имеешь, Лили. Конечно же, имеешь, – ласково произносит парень и накрывает своей ладонью мою руку. – Мы – одна семья. И так будет всегда.

Я ничего не отвечаю, но на душу опускается ещё один камень. Странно, как много груза я ношу внутри себя, и ничего не помогает мне: ни слёзы, ни время, ни чёртовы поцелуи с Этаном.

– Я хотел помочь тебе, – вдруг говорит брат. Он немного расслабляется и переводит тему. – Решил поискать твою сестру. Глорию.

Я поднимаю на Джейсона глаза и смотрю с удивлением. Не могу поверить, что он действительно это говорит. Ещё недавно он вообще не верил в её существование. Хотя, возможно, так он хочет доказать свою правоту.

Я ничего не отвечаю, жду, пока брат продолжит. Сердце начинает учащённо биться, но Джейсон отрицательно качает головой.

– Ничего интересного, – признаётся он. – Мой друг работает в полиции, они прогнали имя по базе. Никаких следов. Так что можешь быть спокойна – твоя сестра не преступница. Но найти её почти невозможно.

– Едва ли она носит фамилию матери. Шерил сказала, что Глорию удочерили, – отвечаю я и осекаюсь. Ведь брату об этом ничего неизвестно.

Джейсон удивляется и некоторое время молчит. Должно быть, ему нужно прийти в себя и поверить в то, что я не вру.

– Она подтвердила всё? – спрашивает он наконец. – То есть, она призналась, что бросила дочь? И не сказала, кому отдала?

Отрицательно качаю головой.

– Это же Шерил. Чему ты удивляешься?

В кармане вибрирует телефон, и я спешу его достать. Снова Этан. Не знаю, сколько он ещё будет меня преследовать. Я сбрасываю звонок.

– Не слишком уж вежливо, – замечает Джейсон с насмешкой. Не уверена, хочу ли сказать всё брату. Но в конце концов, кому-то я ведь должна рассказать.

– Это Этан. Кажется, уже пятый раз за день, – отвечаю я и снова делаю глоток давно холодного кофе.

– Так и почему ты не отвечаешь? – брат не понимает моих поступков, да я и сама их не понимаю, если быть честной. – Вдруг что-то важное? Что-то с Эйвери? Или он, наконец, решил пойти тебе навстречу?

– Всё сложнее, – вздыхаю я и чувствую, что краснею. Только лишь мысли о том поцелуе смущают меня.

– Насколько? – интересуется брат и подвигает ко мне ближе тарелку с тостами. Я улыбаюсь. Полностью в духе Джейсона попытаться задобрить меня любимой едой.

– На целый поцелуй, – отвечаю я и брату нужно время, чтобы осознать услышанное. Он морщится, когда всё понимает и качает головой.

– Ого, – только и протягивает он в ответ. – И как это случилось?

– Довольно странно, – отвечаю я и отламываю кусочек тоста, хотя на самом деле аппетит полностью пропал.

– Ещё и как странно, – подтверждает Джейсон. – Это может перерасти в нечто серьёзное. Будь осторожна, ты совсем не знаешь этого человека.

– Для меня этот поцелуй ничего не значит, – оправдываюсь я и тут же понимаю, что вру. Это меня злит.

– Если ты скидываешь его звонки так часто – ещё как значит, – с едва заметной улыбкой произносит Джейсон. – Я не сказал, что это плохо. Просто будь осторожна.

– Не плохо? – спрашиваю я с раздражением, хотя на самом деле злюсь на себя. – Он – муж моей матери, отец Эйвери.

– Мы не выбираем, кого нам любить, – парень пожимает плечами.

– К сожалению, да, – отвечаю я и пытаюсь дожевать кусочек тоста.

Остаток завтрака мы проводим в тишине, и я этому рада, ведь все разговоры об Этане меня выбили из колеи. Я так сильно пытаюсь отрицать наличие хоть каких-то чувств к нему, но на самом деле разве это не показатель обратного?

– Тебя подвезти? – спрашивает брат, когда я собираюсь уходить.

– Ты знаешь ответ, – говорю я, надевая пальто. – Лучше на автобусе.

– Как ты можешь избегать автомобилей, но продолжать пользоваться общественным транспортом? – в голосе Джейсона я слышу непонимание и обиду. Мы оба пострадали, но страх остался только у меня.

– Я просто выбрала наименьшее из зол, вот и все.

– Давай встретимся ближе к годовщине, – просит брат осторожно. – Съездим на кладбище, нам обоим это нужно.

– Да, – соглашаюсь я. – Обоим.

Всю дорогу в автобусе я смотрю на молодую женщину с дочкой и пытаюсь понять, что влияет на людей. Почему кто-то становится хорошей матерью, а кто-то бросает троих детей раз за разом? Почему эта женщина с таким упоением рассказывает дочери о снеге, а моя мать только и могла, что уничтожать меня?

На эти вопросы никогда не найти ответа. Просто мне не повезло родиться в семье, где мне были бы рады.

Из дома матери меня отвезли сразу же в другую семью. Чужую семью, где всё вызывало у меня приступы паники.

Женщина, которая на время должна была исполнять роль моей матери, казалась взволнованной и излишне радостной. Мне не нравилась её улыбка, её речь, дом. Ничего не доставляло радости. В голове то и дело вертелись слова матери о том, что я никогда не вернусь домой, и это заставляло меня плакать.

Половину дня я провела в комнате, где всё было приготовлено для меня. Красивая кровать, стол, шкаф для одежды, много игрушек, но это только раздражало. И я не знала, что мне делать со своими чувствами.

Её звали Саманта, такое красивое имя, но что скрывалось за ним, я не знала. Меня пугали неизвестность и одиночество. Казалось, что я попала в ад, хотя и жила в нём всю свою жизнь.

– Не хочешь посмотреть телевизор вместе? – спросила Саманта, войдя вечером в комнату. Она села на край кровати, но я так и не повернулась к ней лицом.

– Нет, – ответила я резко.

– Может, ты голодна? – вновь спросила она. – Могу приготовить, что пожелаешь.

Мне не хотелось говорить ни слова. Тогда я не понимала, что все вокруг хотели только добра для меня. Убереечь, спасти, сделать счастливой. Мне казалось, что все только и делают, что рушат мою жизнь, хотя рушить было нечего.

– Чего бы ты хотела? – спросила Саманта.

– Хочу домой, – ответила я и поняла, что снова начала плакать.

– Разве дома тебе было хорошо? – её вопрос только усилил мои рыдания.

– Там мой дом, – произнесла я сквозь слёзы. – Я не хочу быть одна.

– Но ты не одна, дорогая, – Саманта провела рукой по моим волосам, а я вздрогнула и оттолкнула её. – Всё будет хорошо.

Но это обещание, как множество подобных ему, не сбылось ни разу. Изю дня в день всё становилось только хуже.

У Саманты было двое родных детей. Младшему не было и года, и он постоянно плакал. Этот крик раздражал меня каждую минуту, но вместе с тем, зарождал в душе знакомые чувства. Тогда я впервые вспомнила о том, что когда-то забыла.

Психолог приходила ко мне три раза в неделю. Эти разговоры и игры мне не нравились. Хотелось убежать, скрыться ото всех. Хотелось, чтобы меня перестали опекать и чрезмерно заботиться. Проблема была в том, что тогда я просто не знала, что такое забота. И любое проявление участия вызывало у меня только протест.

Через две недели я задала психологу вопрос, который мучал меня каждую ночь, когда я слышала крики маленького ребёнка. Но никто мне так ничего и не объяснил.

– Мне можно увидеться с мамой? – спросила я, но девушка только улыбнулась. Она делала это постоянно, и несходящие с лица улыбки меня злили. Как можно радоваться, когда у меня в душе всё горит огнём?

– Пока нет, Лили, – ответила она. – Тебе лучше пожить какое-то время здесь, хорошо?

– Можно кое-что спросить? – мой голос звучал неуверенно, но психолог согласилась. – У меня есть сестра?

Девушка на миг замерла, а потом снова натянула улыбку, только теперь она была слишком фальшивой.

– Сестра? – переспросила она таким тоном, словно я сумасшедшая. – О чём ты, Лилиан?

– Этот ребёнок постоянно плачет, – ответила я. – Такое уже было. Я слышала этот постоянный плач раньше, несколько лет назад. Кажется, это была девочка.

– Скорее всего это был соседский ребёнок или кого-то из гостей, – попыталась успокоить меня девушка. – Ты – единственный ребёнок. Не нужно об этом думать, договорились?

Я утвердительно кивнула в ответ, но не была согласна с таким решением. Спустя четыре дня меня забрали из дома Саманты и отвезли в другую семью, ещё одну семью, без детей вообще.

И только спустя много лет я поняла, почему они так сделали. Ничего не должно было напоминать мне о сестре, которую когда-то так же забрали из нашего дома и увезли в неизвестном направлении.

И теперь я не знаю, смогу ли вообще найти её когда-нибудь. Но Эйвери слишком близко, чтобы не бороться за неё, а это значит – нужно побороть стеснение, страх и любые другие чувства.

Поэтому, когда Этан снова звонит, я не сбрасываю звонок.

– Я уже потерял надежду, – говорит мне мужчина вместо приветствия, когда я беру трубку.

– Не сказала бы, что ты разуверился, – отвечаю я, стараясь держаться холодно. – Десятки звонков за неделю.

– Десять дней, Лилиан, – говорит он мне, и я чувствую свою вину. Должно быть, он сходил с ума, гадая, почему я так себя веду. Хотя с каких пор меня интересуют его чувства?

– Прости, очень много работы, – оправдываюсь я, и Этан делает вид, что поверил.

– На самом деле, я звоню по делу, – говорит он. – На днях разобрал старые вещи, у нас в кладовой остались коробки из дома Шерил. Подумал, может, захочешь взглянуть.

– Эйвери будет дома? – с надеждой спрашиваю я, но Хант снова разбивает мои мечты.

– Нет, она у Мэдлин. Так что – заедешь?

– Да, – отвечаю я, проклиная себя. – Пришли адрес сообщением.

Я сбрасываю звонок и жду смс от Этана. А когда открываю его, то ахаю. Моя сестра всё это время жила в паре кварталов от дома Джейсона.

Я выхожу на ближайшей остановке и перехожу дорогу. Нужно ехать обратно. И эта поездка будет невероятно долгой. Я не увижу Эйвери, но смогу окунуться в её мир хотя бы ненадолго, а это дорогого стоит.

ЭТАН

Февраль, 2018 год

Когда я впервые увидел Эйвери, то испугался. Ей было два года, а я никогда не сталкивался лично с такими маленькими детьми. Думал, что она испугается меня, спрячется, начнёт плакать, но всё вышло иначе.

Я вошёл в комнату и увидел, как Эйвери сидит на полу и играет с кубиками. На ней было голубое детское платье, а волосы завязаны в два хвостика. Девочка выглядела настолько милой, что я улыбнулся, и всё напряжение куда-то ушло.

Я присел рядом и позвал её по имени. Девочка подняла на меня глаза и долго изучала моё лицо, а потом протянула мне один из кубиков.

– Твой, – пролепетала она. А я растерялся, ведь не знал, что делать дальше.

– Просто поиграй с ней, – сказала Шерил спокойно. – Больше этих странных кубиков она любит только старого медведя. Никогда не поймёшь, что в голове у детей.

На самом деле Шерил была права. Уже спустя пару недель я полностью понимал Эйвери: что она любит и чего боится, какие её любимые игры и что она терпеть не может есть на завтрак. Оказалось, что быть частью жизни ребёнка – сплошное удовольствие. И я бы ни на что это не променял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.